

Михаил ИШКОВ

СЕМИРАМИДА

Серия исторических романов

Михаил Ишков

Семирамида

«ВЕЧЕ»

2015

Ишков М. Н.

Семирамида / М. Н. Ишков — «ВЕЧЕ», 2015 — (Серия исторических романов)

Для напоминания о великом прошлом боги как-то раз послали на Землю деувоительницу, задолго до Александра Македонского покорившую известную часть Ойкумены, основавшую Вавилон, украсившую мир плывущими по небу садами. Ее звали Семирамида, и была она прекрасна... Говорят, Семирамида до сих пор бродит по Земле, ведь рожденная богами не может обратиться в прах. Этот роман об ассирийской царице по имени Шаммурамат, чья земная жизнь превратилась в захватывающую легенду о дочери богини, вскормленной голубями.

© Ишков М. Н., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть I	7
Глава 1	8
Глава 2	22
Часть II	26
Глава 1	27
Глава 2	34
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	55
Глава 6	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Михаил Ишков

Семирамида. Золотая чаша

© Ишков М. Н., 2013

© ООО «Издательство «Вече», 2013

* * *

Есть имена и названия, которые всегда на слуху, которые известны если не всему населению земли, то образованной его части наверное. Их немного, и даже краткое, навскидку, перечисление отзывается дурманом непрошенных воспоминаний, оглядкой в ранние годы, когда впервые довелось услышать о Вавилонской башне, Эльдorado, Навуходоносоре, Шамбале, Калиостро, графе Сен-Жермене.

Кому не в грусть вспомнить детство, пусть припомнит родной дом, луг за околицей, надвигающиеся на речной берег сумерки, костерок на берегу и странные звуки в заводи, где поставлена сеть. И голос...

– Что касается Атлантиды, был, говорят, такой остров в Океане. Оттуда родом великаны, которые, спасаясь от потопа, высадились в Азии. На суше они измельчали, погрязли, и для напоминания о великом прошлом боги как-то раз послали на землю деву-воительницу, задолго до Александра Македонского покорившую мир, основавшую Вавилон, украсившую мир плывущими по небу садами. Ее звали Семирамида, она была прекрасна... – голос дрогнул.

Рассказчик был заслуженный человек, много потрудился на сцене, был счастлив в семье и все равно жил мечтой...

– Говорят, Семирамида до сих пор бродит по земле, ведь рожденная от богини не может обратиться в прах. Существуют люди, – его голос понизился до шепота, – кому посчастливилось встретиться с ней. Пусть даже в вокзальной забегаловке, где пьяницы с глазами кроликов *in vino veritas* кричат.

Его сумеречная, настойчивая вера была заразительна. Он рассказывал, что упругие шелка этой женщины веют древними поверьями, шляпу украшают перья сказочных птиц, у нее узкие руки, на пальцах перстни с неизвестными науке драгоценными камнями. Она знает тысячу и одну сказку и однажды, спасая свой женский род, рассказала их все, ночь за ночью.

Очарованный его словами, я, глядя на черную воду, отчаянно пытался разглядеть историческую даль.

С годами воспоминание о том вечере присыпалось пылью времени. Даль сузилась до натоптанных дорожек, указателей – туда не ходи, сюда ходи. И все-таки поверх липких декораций, нарисованных оврагов, поверх заунывной глюкающей мешанины дней, изредка, всегда неожиданно, иногда в момент пробуждения, отзвуком, отмашкой, причудой промелькивало имя той, кто однажды, завоевав мир силой, теперь владеет им тайно, в силу божественного происхождения и пронизательного взгляда на подданных, которые если и отличаются друг от друга, то уж никак не одедами, нравами, образом мыслей или страстями, но, по большей части, природной склонностью к тому или иному делу, к той или иной женщине.

Или мужчине, ведь этот роман написан для мужчин, но посвящен женщинам – точнее, женщине, чья достаточно земная, с привкусом трагедии жизнь за тысячелетия выкристаллизовалась в захватывающую легенду о дочери богини, вскормленной голубями; о царице, завоевавшей Азию, споткнувшейся на Индии и вынужденной, поддавшись грубой силе, отказаться от власти¹. Пусть в этом сказочном переборе вас не смущает упоминание о богине, это не

¹ Блаженный Августин пишет в своей книге «О граде Божьем» о событиях древнейшей истории: «...повествуют, что

натяжка, ведь все женщины – существа необыкновенные, произведения сладостные, происхождения небесного.

Мы просто огрубели, поникли и не замечаем этого.

тамошний царь Нин, сын Вела, всю Азию, которая по счету называется третьей, а по величине является половиной всего земного шара, покорил до самых пределов Ливии. Власть его на Востоке не распространялась на одних только индийцев; но и этих после его смерти покорил его Семирамида». (Блаженный Августин. О граде Божьем. Ч. 26, гл. 2, с. 906).

Часть I

*Sedet super universum*²

Парадный дворцовый зал. Полутьма, разбавляемая светом редких, скупо горящих факелов. Огромный размытый отблеск с точностью маятника неспешно пробегает по залу, выхватывая из сумеречной мглы два ряда колонн, выстроенных по обе стороны широкого прохода.

Вдали, на возвышении, царский трон, по бокам его два громадных каменных, крылатых быка-шеду. Чем ближе к помосту, тем яснее прорисовываются тщательно вырезанные завитки на исполинских прямоугольных бородах божественных животных, тем внушительнее кажутся их беспристрастные, человеческие лица, пронзительней взгляд слепых глазниц. Слева от помоста на золотых цепях покачивается бронзовый гонг в рост человека, чья полированная поверхность рождает отблеск, бегущий по залу. Рядом обнаженный мускулистый нубиец, с усилием вздымающий шест с обшитым кожей набалдашником...

Короткая как вздох пауза.

Великан неторопливо бьет в середину гонга. Металл содрогнулся, заколебалось светлое пятно, замерло. Низкий мелодичный звон поплыл по залу...

² Ее трон – весь мир.

Глава 1

Шаами проснулась в полдень, не смогла сдержать слезы. Плакала она редко и только когда оставалась одна – вид плаксивых, жеманных сестер-вавилонянок раздражал ее, «дочь простора». Так за глаза, с легким презрением называли принцессу во дворце отца, вавилонского правителя.

Повозка тащилась медленно. На коней отец поскупился – сказал, спешить тебе некуда, двух быков хватит. К жаре доберешь до Дамаска, раньше не надо.

В пологе, которым еще в Вавилоне тщательно накрыли повозку, наметился прогал. В щель заглядывал простор, о котором с затаенной грустью рассказывала мама. Светлая полоска манила, увлекала в лазоревую даль, пусть эта сирийская степь не чета той, откуда была родом ее мать, дочь скифского царя, в знак примирения с Аккадом выданная замуж за правителя Вавилона.

...Шаами с тоской, принуждая себя не думать о будущем женихе, к которому ее упорно тащили быки, припала к щели. Единственный, кого разглядела, был старший евнух Сарсехим, возглавлявший посольство. Это был самый гадкий дядька на свете. Он держал ее в этой тесной скрипучей колеснице, не позволял сесть на коня, размяться, он сопровождал ее даже во время справления нужды.

Сарсехим, заметив щель, задернул полог...

Шаами опрокинулась на спину и с тоской глянула вверх. Мама рассказывала, как ее привезли в Вавилон, ссадили с коня, раздели, вымыли, напялили на мокрое тело царские одежды, поспешая поволокли в святилище, в котором восседал бородатый истукан с позолоченным лицом, – все почтительно называли его Марду-Бел – и тут же обвенчали с местным правителем, имя которого новоиспеченная жена еще с полгода не могла выговорить без ошибок. Так распорядился царь Ассирии, безжалостный Ашшурнацирапал³.

За ошибки евнух колотил маму по голове и по спине – дотрагиваться до интимных мест ему не позволялось. К ним первым прикоснулся ароматно пахнущий, молодой, но уже лысый мужчина с накладной бородой. Этим – снятием бороды – он настолько сразил новобрачную, что решившая сопротивляться скифянка сразу сдалась.

Шаами ужаснулась – неужели ее жених тоже будет лыс, толст и издевательски-почтителен? Подобные недостатки простительны отцу, но никак не мужчине, который попытается прикоснуться к ней.

Она ничего не знала о женихе, кроме того, что он – сирийский царевич. Звали его Ахира. Сколько ему лет? Является ли наследником престола или папаша Бен-Хадад ни во что Ахиру не ставит? Будут ли в гареме лупить молодую жену по спине? Неужели муж не позволит ей хотя бы изредка выезжать на охоту? Неужели не позволит промчаться во весь опор? Помнится, в детстве мать любовно подсаживала ее, трехлетнюю, на чепрак, потом, придерживая за узду, водила лошадку по кругу. Шаами, вцепившись в гриву, бесстрашно держалась на спине, ощущение неломкости и прочности конских волос навсегда связало ее с конями и с простором.

Перед отъездом мама, вспоминая свою жизнь, попыталась предостеречь дочь. Призналась, что после того, как муж прикоснулся к ней, он три месяца – до самого лета, до иссушающей жары, – не вспоминал о молодой жене.

– Что же ты? – встревожилась дочь.

³ Ашшурнацирапал II (Ашшур-нацир-апал) (883–859 г. до н. э.) – ассирийский царь, которому после 200-летнего периода застоя и смут удалось совершить успешный поход к Средиземному морю, покорить Северную Месопотамию, Северную Сирию и Финикию. Перенес свою резиденцию в Калах (иначе Кальху), отстроив заново город.

– Послушай, Шами, – ответила мать. – Ты слишком резва и непослушна. Здесь так не любят. В Сирии тоже. Ты у меня умненькая, хорошенькая, пойми, ты будешь одна в незнакомом городе, и заставить его жителей уважать и подчиняться себе невозможно. Но необходимо. Что касается мужа, – она погладила дочь по длинным распущенным волосам, – у меня есть ты, и я благодарна ему за щедрый подарок. Поверь, твой отец – незлой человек, он многое тебе позволял – садиться на коня, бить учителя по щекам, но дальше так продолжаться не может. Держись просто, но с достоинством, не отрезай косы своим подругам по гарему, не дерзи евнухам. И прошу тебя, – разрыдалась мама, – не верь чудесам. Чудес не бывает.

Шами вздохнула, глянула в сторону задернутой щели – в присутствии этого противного Сарсехима, в окружении воинов и диких кочевников, охранявших караван, глупо мечтать о чуде.

Но хочется.

Нестерпимо хочется!.. Хотя бы одним глазком взглянуть на выдумку. Пусть хотя бы издали поманит!.. Среди сопровождавших ее людей единственный, кто был ей близок, это начальник охраны старик Ардис. Он был из скифов – привез ее мать в Вавилон, там и остался в качестве наемника. Ардис рассказывал, что далеко-далеко на севере, за высокими горами есть страна, в которой властвуют женщины, а мужчин они держат в гаремах, выбирая того или иного на ночь, после чего забывают о нем.

Конечно, это небылицы: и зачем ей держать в гареме лысого мужчину с накладной бородой?..

Предостерегающий вопль часового заставил ее вздрогнуть. Шами, наплевав на запрет, высунулась из повозки.

Со стороны солнца, из слепящей, отливающей чернотой степи донеслось визгливое «ала-ала!» Конные фигуры изогнутой цепью приближались к каравану. Навстречу им с высоко поднятым штандартом поскакал старик Ардис. Ближайший всадник на ходу столкнул его с коня и напрямик помчался к коляске. Вавилонские воины бросились во все стороны, степняки поворотили коней и понеслись в степь. Сарсехим с трудом сполз с лошади и бегом бросился к повозке, залез под днище.

Царевна раскидала подушки и сверху, сквозь прутья решетки, глянула на евнуха. Губы у Сарсехима дрожали.

– Кто это? – торопливым шепотом спросила Шами. – Разбойники?

– Хуже, царственная. Ассирийцы! Боги-хранители, спасите мою голову!

Шами резко выпрямилась, несколько мгновений потратила, чтобы сообразить, чего можно ждать от ассирийцев. Если им и царский указ не указ, ничего хорошего от них не дождешься.

Она выскочила из повозки, вспрыгнула на брошенную евнухом кобылу, кое-как перебрала поводья и, подоткнув под себя тяжелое, немнущееся платье, поскакала в сторону утесов. Там среди каменных уступов ее будет труднее поймать.

– Ала-ала! – донеслось из-за спины.

Кобыла нехотя перебирала ногами, пришлось подбодрить ее пятками. Наконец лошадь с трудом перешла на неспешную рысь. Шами еще успела оглянуться и с изумлением узреть, как главный евнух, выбравшийся из-под повозки и внезапно осмелевший, потрясал кулаками в сторону молодого, в кожаном жилете на голое тело, мужчины. Ардис свистом остановил степняков, те тут же повернули коней и вместе с подручными ассирийца бросились в погоню за царской дочерью.

Шами ужаснулась – когда же они успели стовориться? Ардис тоже?! Она дружила с его внучкой, старик-скиф учил ее скакать на лошади, стрелять из лука. Конечно, за царскую дочь дадут неплохие деньги. Но сначала поймайте.

Догнали быстро. Кляча, на которой она пыталась спастись, быстро доказала свою полную непригодность к бегству. Царевну отрезали от прохода в скалах, прижали к отвесному утесу, заставили остановиться. Вот когда Шами пожалела, что не сумела тайно прихватить с собой меч-акинак⁴ – перед посадкой в повозку в Вавилоне Сарсехим обыскал ее. Зато есть ногти, зубы.

Атаман подъехал ближе и неожиданно спросил:

– Зачем же ты направилась в сторону утесов? Не лучше ли умчаться в степь?

– Лучше, – согласилась царевна, – но у меня скверная лошадь. Мне надо было добраться до скал, теперь будет легче.

Главарь задумался.

– Не понял, – признался он.

Было ему за двадцать, молод, но и юнцом не назовешь, черноволос до синевы. Судя по количеству завитков на бороде, знатен, выговор правильный, аккадский.

– Сейчас поймешь, – пообещала девушка и, мгновенно выскользнув из тяжелого платья, оставшись в одной тунике, вскочила на спину лошади, затем, ухватившись за выступ в скале, ловко взобралась на вершину откоса и показала разбойнику язык.

– Здесь тебе меня не достать.

– Ты уверена? – заинтересовался главарь и щелкнул пальцами.

Один из его подручных метнул аркан, прочная волосяная петля обвилась вокруг плеч Шами. Девушка попыталась освободиться от удавки, не тут-то было. Метнувший дернул, и она полетела с утеса вниз головой.

Главарь разбойников, подскочивший к самой скале, успел подхватить ее на руки. Очувтившись в его объятиях, девушка вцепилась в его плечо ногтями. Тот, не повышая голоса, посоветовал:

– Не дерись. – Потом спросил: – Ты кто?

– Царевна, дочь царя Вавилона Мардука-Закира-шуми.

– Я имя спрашиваю, – с тем же спокойствием, не глядя на выступившую и закапавшую кровь, спросил атаман, потом пре зрительно засмеялся. – Тоже, нашла царя.

Его невозмутимость успокоила девушку. Если уж придется быть рабыней, то лучше у такого молодца, чем у лысого сирийского развратника.

– Шаммурамат.

– Куда тебя везут?

– В Дамаск, замуж.

Главарь удивился:

– Что ж вы так далеко забрались в степь?.. Торговый путь проходит по берегу Евфрата.

Девушка пожала плечами.

– Меня не спрашивали.

Атаман понимающе покивал, потом между прочим спросил:

– Хочешь, я возьму тебя в жены?

– У тебя нет жены? – удивилась девушка.

– Есть, но я хочу взять тебя.

Шами задумалась – чудо чудом, а голову терять не следует.

– А ты кто?

– Предводитель разбойников.

– Как же тебя зовут, предводитель разбойников?

– Называй меня Нину.

– Сколько у тебя разбойников, Нину?

⁴ Короткий скифский меч.

- Тысяч десять наберется.
- Другими словами, твое логово не похоже на земляную нору или пещеру в горах?
- Теперь засмеялся не только главарь, но и подъехавшие поближе разбойники. Они буквально покатались со смеху, один из них, схватившись за живот, картинно свалился с лошади.
- Нет, у меня хороший дом. Каменный. Двести комнат.
- Это неплохо, – согласилась Шами. – Только у меня есть условие. Ты позволишь мне ездить верхом?
- Главарь хмыкнул.
- Может, ты желаешь и в охоте поучаствовать?
- Очень желаю, – обрадовалась Шами. – Ну, пожалуйста?..
- Подоспевшему евнуху и начальнику охраны главарь заявил:
- Эта женщина – моя добыча.
- Евнух страстно принялся стучать кулаками по голове, потом неожиданно взвыл.
- А моя голова, господин?
- Зачем тебе голова, если ты лишен куда более важных органов?
- Как насчет моей головы? – поинтересовался старик-скиф.
- В твоём возрасте, уважаемый, самое время задуматься о вечном. О путешествии в загробный мир, к безжалостной Эрешкигаль.
- Но у меня есть дети, внуки.
- Шами вступила в разговор:
- Его внучка была единственной моей подругой. Стоит ли лишать дедушку возможности прижать ее голову к своей щеке?
- Это такая радость!
- Главарь задумался и кивнул.
- Хорошо. Ваши головы останутся при вас. Пока. А сейчас поворачивайте быков – и на восход.
- Голова головой, – напомнил старик, – но эта женщина – царская дочь. К лицу ли могущественному господину превращать ее в рабыню?
- За главаря ответила Шами.
- Послушай, Ардис. Ты можешь сообщить отцу, что этот благородный господин сделал мне предложение.
- Евнух озадаченно глянул на нее.
- Ты считаешь, что можно полагаться на слово этого доблестного господина? Я всегда говорил, что ты, царевна, безнадежно глупа.
- Пусть моя глупость тебя больше не тревожит, – ответила Шами и, повернувшись к атаману, пообещала: – Я буду тебе верной женой.
- Евнух всплеснул руками.
- Не слушай ее, господин!
- Заткнись! – коротко приказал главарь и добавил: – Сначала мы отправимся ко мне, там будет видно. А пока никому не отлучаться от каравана.

* * *

Вскоре неспешность быков вогнала всех сопровождавших царский обоз в неодолимую дрему. Предводитель разбойников предложил Шами прокатиться на его жеребце, сам же залез в колесницу и там заснул. Его помощник, одноглазый, зверского вида, бритый наголо воин, пристроился поближе к царевне, правда, его рвения хватило ненадолго – скоро он тоже начал клевать носом.

Был конец месяца аддару (февраль – март). Близилась жара, огненные маки и цикламены уже начали терять лепестки, но степное разнотравье еще цвело. Травостой был густ и высок. Конь атамана, покрытый выделанным из шкуры степного льва чепраком, чаще других позволял себе останавливаться и срывать губами колоски и соцветия. Шами не торопила его, и шаг за шагом конь начал отставать, сближаясь с толпой тянувшихся позади повозки конных скифов и пеших воинов, пока обмякший, с полузакрытыми глазами Ардис не занял место рядом с принцессой. Некоторое время старик молчал, потом тихо обронил на родном языке:

– Будь осторожна, Шами.

Девушка вздрогнула и, не поворачивая головы, откликнулась:

– Он дал слово, что возьмет меня в жены.

Старик бросил взгляд в сторону низких, покатых увалов – там, за обрывистой линией прибрежных откосов бежал священный Евфрат. Еще дальше, на три дня пути, тянулись холмистые плодородные земли, упиравшиеся в куда более полноводный и стремительный Тигр. На его берегу – как раз в направлении на солнце, на скалистом уступе высился древний Ашшур. Тень от его стен, крепостных башен и храмов-дворцов покрывала все Междуречье, вплоть до гор на востоке и моря на западе. Даже ночью нельзя было спрятаться от этой тени, она напознала внезапно, по мановению руки главного разбойника Салманасара⁵. Старик бросил взгляд в сторону царской колесницы, куда забрался атаман – по-видимому, этот головорез не последний в своре Салманасара, и его слово имеет такую же цену, как и обещание ветра не рушить хижины.

Не поворачивая головы, старик предупредил:

– Он – ассириец, Шами, и, по-видимому, из знатных. Никто не знает, что у него на уме. Ты в его руках, и он может поступить с тобой, как ему вздумается.

– Он обещал взять меня в жены! – упрямо повторила девушка.

– Тебе хочется верить в чудо. Эта вера обманчива. Чудо, как степной мираж, сколько ни гонись, догнать нельзя. На слово ассирийца нельзя положиться даже в том случае, когда он требует – отдай добром, а то хуже будет. Обрати внимание, его воины окружили моих людей, они скрывают имя господина. Они все клятвопреступники, грубые и похотливые ослы. К тому же неизвестно, нужна ли ему жена? Значит, тебя ждет участь наложницы, для дочери вавилонского царя – это неслыханный позор.

– Он сказал, что готов жениться на мне.

– Может, так, а может, и нет. Кто знает наверняка?

– Как же сделать, чтобы наверняка?

– Надо известить твоего отца. Я готов рискнуть своей жизнью, Шами, но я стар. Меня догонят.

– Может, мне самой попробовать? Это отличный скакун.

– Жеребец хорош, только, боюсь, стоит ему услышать свист хозяина, и он тут же повернет назад. К тому же твое бегство ничего не изменит. Ты, как говорится, уже побывала «в его руках». Если ты вернешься в Вавилон, тебя унизят.

– Что же делать?

– Не знаю, но отца известить надо. По крайней мере, он пожалуется Салманасару. – Ардис некоторое время размышлял, потом добавил: – Я знаю наездника, которого эти разбойники не догонят.

– Кто?

– Партагуи-Буря.

⁵ Салманасар III (Шульмануашаред – на аккадском языке «приветствие первенцу») – сын Ашшурнацирапала II. Совершил 32 военных похода и привел свое царство к пику могущества. Воевал в Анатолии за обладание месторождений железа, с урартскими царями Араму и Сардури, в Сирии сначала разгромил северосирийский союз, а затем южносирийский во главе с Дамаском.

- Это тот, что не сводит с меня глаз?
- Когда ты поблизости, его глаза не в его власти.
- Ладно, о глазах потом, – коротко ответила Шами. – Пусть будет Буря.

Ардис добавил:

- Он сообщит твоему отцу, что нас захватили в плен.
- Ни в коем случае!
- То есть?

Шами глянула в сторону Одноглазого, бросила взгляд влево, вправо, потом, не разжимая губ, предупредила:

- Пусть Буря донесет до отца радостную весть.
- Послушай, Шами...
- Нет, Ардис, это ты послушай.

Одноглазый встрепенулся, задержал головой. Его взгляд задержался на Ардисе. Тот успел сузить глаза и притвориться околдованным дремой. Шами с сонным равнодушием разглядывала степь. Одноглазый некоторое время отчаянно боролся со сном – его веко заметно подергивалось, – наконец око закрылось, и он нехотя, не без усилия, отвернулся.

Старик подогнал коня поближе. Шами, по-прежнему изучавшая степь, процедила сквозь зубы.

– Пусть Буря доставит в Вавилон радостную весть – знатный ассириец спас меня от бедуинов и, сраженный моей красотой, решил взять меня в жены. Он умоляет отца дать согласие.

- Согласие кому?

Шами поморщилась.

- Ах, это неважно!

Тут до нее дошел смысл вопроса. Она задумалась, потом согласилась:

- Да, это может испортить все дело.

Некоторое время Шами размышляла, потом уже более решительно закончила:

– Я вверила богам свою судьбу, и, как видишь, они пока на моей стороне. Нельзя упустить чудо. Я должна узнать имя ассирийца, и я узнаю его. Запомни, Буря должен добраться до Вавилона живой, невредимый и обязательно сияющий от счастья. Он ни в коем случае не должен поднимать панику во дворце.

Шами придержала коня и с той же дремотной неторопливостью, с какой Верный скусывал стебельки травы, а быки жевали жвачку, пристроилась к самому молоденькому из ассирийцев. Повела себя дерзко, заглянула в самые глаза. Парнишку густо бросило в краску... Ему было лет четырнадцать, не больше, – он вздрогнул и опасно посмотрел в сторону Одноглазого. На царственную девицу взглянуть не отважился.

– Скажи, дружок, – спросила Шами. – Твой господин уверял, что под его началом десять тысяч воинов? Это правда?

Парнишка кивнул.

- В таком случае твой господин, должно быть, важная персона?

Еще кивок.

- Значит, он туртан⁶ великого Салманасара?

Парень отвел взгляд.

Шами, как ни в чем не бывало, продолжила:

- У твоего господина есть «та, что в доме»?

Опять молчание.

- Ты пренебрегаешь вавилонской царевной? Это недопустимая дерзость, воин.

Парень с трудом выдавил:

⁶ Высший воинский чин в ассирийской армии, которому царь доверял половину армии.

– Нам запрещено разговаривать с пленниками.

Шаами удивилась:

– Разве мы пленники?! Ты хочешь сказать, что твой гос подин отважился взять в плен посольство царя Вавилона?

– Нет, госпожа...

– Послушай, воин. В любом случае, как бы ни сложилась моя дальнейшая судьба, сейчас твоя жизнь в моих руках. Стоит мне только пожаловаться, что ты бесстыдно тарашился на меня...

– Госпожа, я не смею!..

– Так расхрабись! Посмей! Сейчас или никогда. У тебя есть шанс схватить за хвост птицу-удачу. Боги на нашей стороне. Как только Одноглазый обернется, будет поздно. Как зовут твоего господина?

Парень глянул на царевну, покраснел еще гуще и с трудом выдавил:

– Нинурта-тукульти-Ашшур.

Шаами удивленно вскинула брови.

– Племянник наместника Ашшура Иблу?

– Да, госпожа.

– Я слыхала, его супруга ушла к судьбе. Это правда?

Парнишка кивнул.

В этот момент Одноглазый обернулся и крикнул:

– Придержи язык, Набай.

Шаами, не разжимая губ, поблагодарила:

– Я не забуду, как ты помог мне, Набай.

Молодой человек тут же отъехал в сторону.

Шаами прибавила ходу и подъехала к Одноглазому.

– Раб, ты ведешь себя дерзко в моем присутствии. Как твое имя, раб? Я пожалуюсь на тебя великому туртану. Что скажут в Вавилоне о его племяннике?

Одноглазый поджал губы и торопливо подогнал коня к колеснице, окликнул господина. Тот тут же высунул голову. Одноглазый что-то доложил ему, Нинурта помрачнел, окликнул царевну:

– Шаами, ты не хотела бы отдохнуть в повозке?

– Сейчас не время, Нину. Что скажут люди – вавилонская царевна вела себя как продажная шлюха. Мы останемся наедине после обряда бракосочетания.

– Зачем ждать так долго, дорогая? Если тебя смущают мои люди, я заставлю их отвернуться.

Шаммурамат рассмеялась.

– Ты способен заставить своих людей забыть о том, что про изойдет в повозке? Ты отрежешь им языки?

Сарсехим подъехал ближе, угодливо поинтересовался:

– Господину угодно развлечься?

– Заткнись! – коротко приказал Нину, затем, повернувшись к девушке, указал на один из шестов, к которым крепился полог, и приказал: – Тогда, Шаами, привяжи уздечку за эту палку. Мы будем вместе и в то же время врозь. Ты, например, поделишься со мной своими девичьими тайнами, расскажешь, кого видала во сне.

Шаами беспрекословно выполнила распоряжение.

Оскорбленный в лучших чувствах евнух молча отъехал от колесницы. Обида, по-видимому, оказалась настолько велика, что он не мог сдержать слезы. Ассирийцы, скифы, пешие воины, глядя на него, покатались со смеху. На Сарсехима указывали пальцами и хватались за животы. Вконец раздосадованный евнух отъехал от каравана – там он дал волю рыданиям.

Как только всадники различили всхлипы, веселье перешло всякие границы. Всадники, в большинстве своем дикие люди, принялись активно передразнивать несчастного, кое-кто принялся подвывать, другие начали раскачиваться, третьи рвать волосы на голове. Вконец обозлившийся евнух догнал караван и принялся швырять в обидчиков пучками травы, которые он срывал, наклоняясь направо-налево.

На шум из повозки выглянул Нинурта-тукульти-Ашшур. Некоторое время он с интересом наблюдал за евнухом, потом зевнул и вновь укрылся в полости. Между тем обидчики – куда более умелые наездники – осыпали Сарсехима ворохом сорванной травы. Тот, спасаясь от них, резко повернул в степь.

У Шами вновь начали слипаться глаза. С приходом дремы ее посетила пугающая мысль: от чуда, оказывается, можно ждать чего угодно!

За две недели, которые караван находился в пути, она возненавидела своего жениха до такой степени, что, вспоминая о нем, ее буквально подташнивало. Заключение в повозку, она готовила себя к самому худшему, что может ждать женщину, – к пренебрежению. Она запретила себе мечтать о чуде, пыталась заставить себя смириться.

Ожидаемое, составленное в Вавилоне будущее рухнуло разом и напрочь. Мир, до того стиснутый до размеров ненавистной колесницы, вдруг распахнул перед ней дивные красоты – обильный травостой, среди которого просвечивали капли отцветающих тюльпанов, волнистый водораздельный оком, голубое небо, и на фоне этого сияющего головокружительного бездонья ясно всплывало манящее, но от этого не менее ужасающее лицо ассирийского бандита. Ардис полагает, что от подобного поворота судьбы добра ждать не приходится. Что из того, утверждал старик, что Нину родом из высокопоставленных, – от этого он не становился менее бандитом. Ты, Шами, полностью в его руках. Трудно рассчитывать на снисхождение, когда имеешь дело с ассирийцем.

Дремота наполнилась предчувствием неотвратимого позора, размена пусть и нагоняющих нестерпимую скуку, но все-таки помещений царского дворца на полутемные, грязные кельи ассирийского гарема, предназначенные для наложниц из простонародья. Соседки будут щипать ее, смеяться над ней, терзать напоминанием о царском происхождении. Помнится, в Вавилоне ей удалось постоять за себя. Улучив момент, она отрезала ко су у самой злой насмешницы Гулы.

Как оно будет в Ашшуре?

Шаммурамат едва не расплакалась, но тотчас осадилась – не хватало еще дать волю слезам!

Божественная синь – простор великого Шамаша-Солнца – доброжелательно поглядывала на нее. Всесильная Иштар⁷ тоже была на ее стороне. Это было так же верно, как и предначертание судьбы – ее шимту⁸, – ведь не для того ее избавили от Ахиры, чтобы ввергнуть в позорное

⁷ Шамаш – всевидящий бог солнца, небесный судья и защитник справедливости, покровитель предсказателей и гадалок. Иштар – вавилоно-ассирийская богиня любви, плодородия и войны. Астральное соответствие – планета Венера. В образе Иштар, по-видимому, слились образы нескольких богинь. Наиболее распространенные эпитеты – владычица богов, царица царей, яростная львица, повелительница львов, Иштар-воительница, Ирнини, что означает «победительница», Белет – владычица. У западносемитских народов – сирийцев, финикийян, евреев – она выступала под разными названиями: Астарты, Ашторет. У сирийцев (арамеев) – Ашерту.

⁸ Шимту – некая сила, сопутствующая каждому объекту (человеку, существу, предмету или явлению), совокупность всего, что происходит с этим объектом, его положение, свойства и природа – в той мере, в какой все это (пред)установлено, (пред)определено для него кем-то или чем-то извне, независимо от его собственной воли и целеположений (если они есть). В частности, все, вмененное одним существом другому (например, царское пожалование или нечто, завещанное частным лицом в чью-то пользу), считалось шимту. В жизни человека также сопровождают илу, которую можно рассматривать как некий трудноопределимый духовный дар, относящийся к элементу божественного в человеке; его судьба – иштару; его индивидуальные характерные свойства – ламассу; его жизненная сила – шеду. Сочетание всех четырех внешних проявлений составляет жизненный опыт индивидуума. Следует добавить, что ламассу (как и иштару) нередко олицетворялась с неким существом, «гением», сопутствующим человеку. Считалось, что человека на протяжении жизни сопровождает пара сверхъестественных существ, или демонов. Они совершенно не похожи на духов-хранителей. Их значимые имена говорят сами за себя: один назы-

существование у Нинурты. Даже для всемогущих богов это было бы слишком. Если пораскинуть умом, у ожидавшего ее будущего было неотъемлемое от ощущения счастья достоинство – оно еще не устоялось! В нем был некий зазор, смутная неопределенность, в которую могла проскользнуть надежда. Упитанный и развратный Ахира, внушающий ужас Дамаск сгинули бесследно – туда им и дорога. Сейчас ключи от будущего держал в руках тот, кого она нередко видела в своих снах. Шами не знала его имени, не могла угадать, в какую даль он умчит ее. Ожившая мечта была ничуть не похожа на сновидения, но от этого оказалась не менее увлекательной. Это ничего, что сердце замирает от страха, что в кончиках пальцев покалывает. В этой круговерти ужаса и отчаяния, надежды и желания Шами звериным чутьем ощутила, что этот красавчик из тех красавчиков, на которых можно найти управу. Это трудно, красавчик даже не подозревает, в чьи руки он угодил, но гром грянул. Боги сделали выбор! Шами еще не знала, в какую даль умчит ее судьба, называемая шимту, куда уведет ее эта дорога, но она милостью Иштар прозрела – ступить на этот путь вполне достойно для дочери царя Вавилона.

Только без спешки. Нину, по-видимому, из бешеных. Один неверный шаг, и он потеряет рассудок.

Вопль Одноглазого, разбудившего степь, заставил ее вздрогнуть.

– Негодяй!!!

Шами вскочила на спину жеребца, вытянулась на носочках.

Одноглазый, нахлестывая коня, помчался в сторону далеко отставшего от каравана евнуха. Подскочив к Сарсехиму, он с размаху ударил его в ухо – тот сразу свалился с лошади и на карачках, торопливо, как ящерица, пополз к ближайшему кусту шиповника, спрятался за кустом. Одноглазый соскочил на землю, лихорадочно принялся шарить в траве. Шами затаила дыхание.

Сердце оборвалось, когда Одноглазый торжествующе вскрикнул, бросился к евнуху, начал бить его ногами. Сарсехим отчаянно завопил и, вместо того чтобы уклоняться от ударов, попытался поймать ногу разбойника. Как только ему удалось овладеть ею, он покрыл босую, темную то ли от грязи, то ли от загара, ступню страстными поцелуями. Одноглазый опешил, попытался вырвать ногу, тогда Сарсехим прижался щекой к колену и истошно закричал, что требует милости, что ни в чем не виноват и только по воле злых, недобросовестных властителей был вынужден впутаться в это дело. Когда же Сарсехим поклялся своими детьми, – если бы у него были дети, он, не задумываясь, принес бы их в жертву грозному Ашшуру, – девушка испытала высшую степень удивления. Слышать такое ей пока не доводилось! Сарсехим пытался заверить Одноглазого, что его намерения чисты и у него и в мыслях не было от чего-то избавляться.

– А это?! – Одноглазый победно вскинул руку, чтобы по казать господину, высунувшемуся из повозки, прямо угольник из обожженной глины величиной с две мужские ладони.

Нинурта свистнул, и двое всадников, подскочивших к Сарсехиму, подхватили перепуганного до смерти, с непокрытой головой евнуха – тот предусмотрительно поджал ноги – и поволокли к повозке. Одноглазый передал табличку господину.

Тот повертел ее и так и этак, громко, не обращая внимания на подъехавшую царевну, выругался и закричал – кто сможет разобрать, что здесь написано?

Сарсехим, брошенный к его ногам, тут же выразил готовность прочесть надпись.

– Ты лучше помолчи!.. – предупредил его Нину и еще раз воззвал к воинам из Вавилона.

Все потупились. Шами соскочила с коня, предложила:

– Меня учили разбирать нашу клинопись.

Нину усмехнулся.

– Ты полагаешь, я могу тебе доверять?

– Но ты же собирался взять меня в жены! Как же ты можешь не доверять своей невесте? Атаман призадумался.

– Ты пугаешь меня все больше и больше, – признался он и предупредил. – Если попытаешься избавиться от таблички, хуже будет.

– Как же я избавлюсь от нее? Не проглочу же?..

В этот момент один из ассирийцев оглушающе свистнул и указал пальцем на юг. Все обернулись в ту сторону.

Партатуи-Буря, воспользовавшись суматохой, успел заметно отдалиться от каравана. Услышав заливистый посвист, он тотчас пустил коня в галоп. Устремился к увалам, за которыми лежал Евфрат – река богов.

Одноглазый и еще трое ассирийцев бросились в погоню. Нинурта, выскочивший из колесницы, отбросил Шами в сторону. Вскочил на коня, попытался рвануть с места. Жеребец дернулся, но, привязанный к шесту, тут же остановился. Полетевший на землю атаман пришел в ярость, бросился развязывать узел, потом отскочил, замахал руками, вновь бросился к повозке, рассек узел ножом, запрыгнул на коня и бросился в погоню.

Грозное «ала-ала» полетело по степи. Некоторое время Шами с замиранием сердца следила за погоней. После нескольких судорожно-тревожных вздохов стало ясно, что Бурю не догнать. Ассирийцы еще некоторое время скакали за беглецом, потом, после отмашки атамана, остановились, повертели назад.

Этих нескольких минут Шами хватило, чтобы ознакомиться с табличкой, на которой продолговато-изящными, как умеют только в Вавилоне, клинышками Мардук-Закир-шуми, царь, уверял правителя Дамаска Бен-Хадада в своем неизменном почтении. Закир напоминал об общем деле, которое их связало, ведь всякий правитель, незаслуженно стесненный в пределах своей власти, ищет тех, кто мог бы посочувствовать ему. Далее на табличке шло что-то о нынешних смутных временах, беды которых имеют начало в кровожадности тех, кому все мало, кому не дает покоя чужое добро, кому мешают чужие подданные...

Некоторое время Шами, окаменев, стояла возле повозки. Намек был слишком прозрачен, чтобы не догадаться, о чем идет речь. Теперь у будущего, в которое ее заманило чудо, появился новый, куда более зловещий оттенок, чем отвращение к будущему мужу, щипки плебеек и бесстыдное коварство евнухов.

Ее отец ввязался в заговор против царя Ассирии, грозного Салманасара?!

Она с трудом проглотила комок, застрявший в горле, и пальчиком коснулась страшных в своей откровенности давленных отметин.

«Нам нельзя ждать, когда тигр, сидящий в Калахе, уйдет к судьбе. Мы должны быть готовы в любой день встать плечом к плечу».

Теперь стала понятна причина, заставившая Сарсехима целовать грязные пятки одноглазого ублюдка. Более того, сватовство, о котором вели речь приехавшие из Дамаска послы, обернулось подлым предательством по отношению к ней, нелюбимой дочери Закира. Только с подачи старшей жены – «той, что в доме», царь мог решиться избавиться от непослушной, готовой к самым невероятным выходкам дочери.

В памяти возникли лица старшей жены отца Амти-бабы и ее дочери Гулы. Это они без конца твердили – дочь скифянки беспросветно глупа, ее следует выдать за рыбака. Они изводили ее щипками, дергали за волосы, не давали спать.

Кто теперь спросит – знала ли ты, Шаммурат, о том, какую цену тебе придется заплатить за эту сделку? Найдется ли такой человек, который поймет, ободрит, простит – ступай, ты невиновна! Она с тоской глянула на табличку – такого размера камень ей никак не проглотить. Выбросить? Найдут. Разломать? Силенок не хватит. Передать Ардису? Погубишь старика.

Чудо становилось все более разнообразным, в нем одна за другой прорезались самые неожиданные грани. Только успевай уворачиваться.

Подъехавший к повозке Нину соскочил с коня, отобрал у Шами табличку и швырнул девушку в повозку. Потом прыжком заскочил сам.

Шами, готовая к самому худшему, постаралась сохранить спокойствие – ведь от невозмутимости теперь зависела жизнь.

Ассириец грозно глянул на нее, выразился кратко:

– Ну?!

– Что «ну»?

– Читай.

Шами вздрогнула и, положившись на волю богов, прочитала все как есть, вплоть до последнего абзаца, в котором коварный Закир восхвалял небожителей и призывал их в свидетели, что писал от чистого сердца.

Нинурта некоторое время молчал, затем протянул руку и взял девушку за подбородок. Он долго рассматривал ее, поворачивая лицо к себе то одной щекой, то другой. Наконец тихо выговорил:

– Ты действительно очень красива, поэтому я не отправлю тебя к судьбе. Будешь прислуживать на кухне. Для начала я сниму с тебя тунику.

– Это ты правильно решил. Здесь очень жарко, а нам предстоит долгий разговор.

– О чем нам разговаривать?

– Ты никогда не разговариваешь с женой?

Нину оглушительно рассмеялся.

– С женой?! Я, верно, ослышался? Неужели я выгляжу настолько глупым, чтобы связаться с женщиной, чей укус смертелен?! Я не хочу лишаться головы только потому, что у тебя симпатичная мордашка и, по-видимому, крепкие груди. Ты разденешься сама или мне применить силу?

– Успокойся, Нину. Разденусь сама, тем более что в своих снах я видала тебя. Я мечтала о таком, как ты, а не об этом слюнявом и жирном царевиче из Дамаска. Ты сразу, как только поймал меня на лету, пришелся мне по душе. Мне бы не хотелось, чтобы, подвергнув меня позору, ты лишился милости своего дяди, которого, я слыхала, ценят за пронизательность и неспешность в выборе действий.

– Кто посмеет упрекнуть меня за то, что я отведал вавилонскую блудницу?!

– Великий и грозный Салманасар!

Это имя произвело на взбудораженного, начавшего снимать кожаный жилет мужчину вполне отрезвляющее действие, сравнимое с криками, предупреждавшими – ассирийцы идут!

Что Нинурта! Услышав этот клич, целые народы снимались с мест и бежали куда глаза глядят. Весть о приближении ассирийцев в течение нескольких дней обезлюживала целые области. Те же, кому не повезло и кто оказывался в кольце безжалостных воителей Ашшура, теряли всякую способность к сопротивлению. В них вселялся неодолимый ужас, отнимались руки, ноги.

Нину злобно глянул на девушку.

– Твой отец изменил великому царю, так что меня ждет не града, а не казнь. А когда я натешусь, ты будешь отправлена на кухню. Если окажешься строптивой козлицей, отдам тебя своим конюхам.

Шами вздрогнула.

– Успокойся и выслушай, ведь я в твоей власти. Если хочешь, я стану покорна. Но сначала выслушай! Твоя судьба теперь не безразлична мне!! Если тебе нужен срам, если тебе нужно унижение своей добычи, значит, я ошиблась, значит, я отдала сердце не тому, о ком мечтала. Значит, сны меня обманывали. Значит, я неверно истолковала волю богов.

Нину некоторое время кусал губы, затем, тайно согласившись с тем, что эта коварная, странная и такая красивая девица безраздельно в его власти и, чтобы получить от нее полноценное удовольствие, спешить ни к чему, ведь предвкушение есть высшая степень наслаждения, – насмешливо выговорил:

– Интересно, что ты придумаешь в свое оправдание?..

– Я рада быть рядом с тобой, и я буду рядом с тобой, но это зависит не только от меня, но и от тебя.

– Ты послала гонца, чтобы предупредить Закира, но это тебе не поможет. Это послание полностью изобличает твоего отца. Наказание будет особенно жестоким.

– Нину, если ты хочешь увидеть меня растерзанной твоими конюхами, тогда и говорить не о чем. Но ведь это не так, правда, милый? Ведь тебе нужна верная и любимая жена, радость в доме, слава и величие, и если это так, ты просто обязан выслушать меня! Салманасар уже два раза ходил в Сирию, и, насколько мне известно, ему не удалось добиться успеха. У тебя есть великий шанс помочь своему господину взять то, что принадлежит ему по праву.

– Тебя, конечно, не назовешь глупой, но и я не такой простака, чтобы поддаться на твои уловки. Хотя поешь ты складно, вполне в духе подлых и двуличных вавилонян.

– Мой гонец сослужит великую службу нам обоим – тебе и мне. Но только в том случае, если мы с тобой поладим.

– Как?

– Ты немедленно отправляешься в Вавилон и попросишь моего отца отдать меня тебе в жены.

– Ты хочешь заманить меня в ловушку?

– Тогда отправь верных людей.

– Вот как рассудила! Ты ошибаешься, Шами. Чтобы попользоваться тобой, мне не нужно согласие твоего отца-предателя.

– Чем ты собираешься попользоваться? Моим телом. Оно и так в твоей власти, но выгоднее попользоваться и моим хилым умишком. Пойми, гонец принесет моему отцу не печаль – твоя дочь захвачена степными разбойниками, – но радость – сам племянник великого туртана, наместник города Ашшура, обращается с нижайшей просьбой выдать за него его дочь Шаммурагат.

– Лихо! – удивился Нину. – Ты уже успела проведать мое имя! Но об этом мы поговорим после.

Он схватил девушку за руку и привлек к себе.

– Потом будет поздно, – ответила Шами. – Ты убьешь мою шимту, обидишь мою ламассу. Что мне останется после насилия? Наложить на себя руки?

– А смелости хватит?

– Я же дикая. У меня мать скифянка.

– А-а, это та, которую отправили в Вавилон, чтобы отогнать кочевников? А ты вкусно пахнешь...

– Подожди, Нину. Неужели тебе доставляет удовольствие грубое соитие?

– Ты уже знаешь, что такое соитие?

– Слышала... От матери... У нее это так редко происходило. А тебя я не отпущу. Ты будешь мой, всегда и очень долго.

Мужчина усмехнулся.

– До самой смерти.

– До самой смерти, – повторила Шами и, не зная, как быть, осторожно и легко поцеловала мужчину.

Тот крепко прижал ее к себе, просунул руку под тунуку, тронул грудь.

– Что скажут воины, Нину? Потерпи, я буду тебе верной же ной.

Нину засмеялся и вытащил руку.

Шаами торопливо зашептала:

– Разве родство с царем Вавилона зазорно? Разве каждый из приближенных к Салманасару военачальников, главных писцов, наместников не мечтает взять в жены царевну из священного города? Разве сам Салманасар не был женат на вавилонской принцессе? Боюсь, повелитель Ашшура посчитает, что подобная честь слишком велика для тебя. Тогда как раз и потребуются настойчивые просьбы Вавилона, чтобы светлый царь дал согласие на этот брак. Чтобы мой отец стал сговорчивее, ты должен отправиться в Вавилон и показать ему копию письма.

– Допустим, я смогу скрутить Закира в бараний рог, но где гарантия, что Салманасар даст согласие? Если я не сообщу о найденном письме, это могут счесть изменой.

– Кто говорит, что ты должен скрыть письмо?! Это письмо, пока оно в тайне, обладает величайшей ценностью, а если его разгласить, оно не будет стоить и пустой тыквы. Письмо необходимо как можно быстрее доставить в Калах, но тебе нельзя появляться в столице с этим письмом. Ты молод, горяч...

– Глуп...

– Ты не глуп, любимый, но ты не в том чине. Ответ, готовит ли великий Салманасар поход в Сирию?

– Да, в третий раз. Об этом знают все. Он собирает огромное войско. Он говорит, что его цель – Дамаск.

– Вот и не надо лишний раз будоражить врагов. Пусть в Сирии надеются на помощь Вавилона.

– Ты рассуждаешь так, будто Вавилон тебе чужой.

– Он еще более чужой, чем ты можешь вообразить. Я рада, что вырвалась из этой темницы. Я была дочерью нелюбимой жены, со мной обращались хуже, чем с наложницами. Я хочу быть с тобой, я видала тебя во сне. Я никому тебя не отдам. Ты должен быть смелым и осторожным. Письмо должен передать Салманасару твой дядя. И немедленно! Я слыхала, все называют его мудрым и прозорливым человеком. Он сумеет выдержать гнев великого царя?

– Многие ошибаются, полагая, что Салманасар действует исключительно под воздействием гнева. Ты не поверишь, он холодный и очень расчетливый человек. Что же дядя должен сказать царю?

– Главное, не что сказать, а что предложить.

– Что же он должен предложить?

– Пусть великий Салманасар пошлет тебя в Вавилон с приказом моему отцу сидеть тихо, а для того, чтобы его враги ничего не заподозрили, Закир должен немедленно отослать в Дамаск другую царевну, хотя бы Гулу... Если ее отправить на конях, то за несколько дней они догонят караван, и она переседет в мою повозку. Все будет шито-крыто.

– Неужели послы Дамаска не знают имени той, кто был предназначен в невесты их царевичу?

Шаами усмехнулась.

– Уверена, они даже не спросили моего имени. Им все равно, лишь бы дочь Вавилона. Лишь бы получить вещественное доказательство их союза. И еще...

– Помолчи, – скривился Нину, потом, после некоторого размышления, спросил: – Ты считаешь, что, как только мы двинемся в поход, царь Вавилона должен ударить нам в спину?

– Да. Они очень рассчитывают на это, ведь всем известно, что Салманасар никогда не отступится от намеченного. Он решил взять Сирию, и он ее возьмет.

Неожиданно Нину вспылил.

– Как я могу верить тебе? Если ты лжешь, я окажусь в запад не. Если ты говоришь правду, значит, ты настолько умна, что мне будет опасно держать тебя в моем доме.

– Поверь, я буду тебе верной женой. Ты успокоился?

Нину не ответил.

– Возьми меня, – прошептала девушка.

– Что? – не понял мужчина.

– Возьми меня. Войди в меня, и ты убедишься, что умненькие слаще.

Вновь долгая, протяжная пауза. Нину совсем затих, сидел молча, наконец признался:

– Мне трудно тебя понять, но хотя бы раз я могу поступить вопреки твоему желанию?

– Зачем? У нас с тобой одна судьба. Прикажи Одноглазому отогнать людей от повозки.

– Далеко?

– Подальше, чтобы они не слышали мои крики.

– Ты будешь кричать?

– Мне хочется целовать тебя, мне хочется любить тебя, но мне страшно. Я исполню все, на чем ты будешь настаивать, но я буквально трясусь от страха, поэтому начну петь. Но если ты захочешь, я буду кричать.

– Не надо, – поморщился Нину, – не люблю шума.

Шами ловко, через голову сняла нижнюю тунику, прижалась к мужчине. Нину совсем обмяк, кроме того места, которое натужно рвалось на свет. Шами погладила мужчину, шепнула:

– Исполни мою просьбу, чтобы мне было легче справиться со страхом. Одну малюсенькую, глупую просьбишку.

– Что еще?

– Позволь дернуть тебя за бороду.

Нину изумленно глянул на девушку.

– Твое коварство бездонно. Ладно, дерни. Можешь даже выдрать волосок, если хватит сил. Может, тогда я приду в себя и вместо любви выкину тебя из повозки.

Трудно передать, с каким наслаждением Шами вцепилась в бороду. Она ухватилась за нее так, как обычно хватаются за самое дорогое, самое существенное в жизни. Все остальное порхало мимо сознания – и стоны Нину, пять раз овладевшего ею и снова десять раз овладевшего ею, и пронзительная боль, и нараставшее радостное возбуждение. Ей было хорошо, она была спокойна, ведь она держалась за настоящую бороду. Волосы были неломкие, жесткие, рождающие счастье.

Глава 2

До вечера Шами убеждала любезного друга рискнуть. Убеждала и до и после – нам теперь не расстаться, мы не можем друг без друга, необходимо заткнуть глотки недоброжелателям в Вавилоне. Нинурта обмолвился – в столице тоже хватает тех, кто сразу насторожит уши, услышав, что племянник туртана просит разрешение посвататься к дочери царя Вавилона. Это действительно немалая честь, подобное бракосочетание может резко выделить его, которого все считают худородным молокососом, из дальнего круга приближенных к Салманасару людей. Нину признался, что завистников и недоброжелателей у рода Иблу в Калахе хватает. Прежде всего, Шурдан⁹, старший сын Салманасара и его наследник.

Молодой человек покрепче обнял девушку, шепнул – если все пройдет гладко, великий царь может оказать ему милость, может придвинуть поближе. Добавил – это так важно сейчас, когда между великим царем и Шурданом пробежала черная кошка. Девушка замерла, а Нинурта разоткровенничался. После двух неудачных походов в Сирию в стране Ашшура заговорили, что Салманасар утратил илу. Кое-кто полагает, что он слишком долго правит – считай, уже двадцатый год. Этот кое-кто и поддерживающие его города считают, что пора уступить место более молодому и удачливому наследнику.

– Почему же великий царь не может заставить их замолчать?

– У нас в Ашшуре другие порядки, нежели в Вавилоне. У вас царь подотчетен жрецам и сильным в городе, а у нас – войсковой сходке, на которой очень большой вес имеют городские общины.

Кроме того, общины сильны сами по себе, а добычи за эти два похода было взято куда меньше, чем ожидалось. Переселенцы, приведенные Салманасаром, должны сначала обжиться, доход от них появится через несколько лет, и он будет куда больше, чем военная добыча. Но до этого времени надо дожить. А тут еще Вавилон вечно строит козни!

Шама возразила:

– Вавилон – это небесные врата. Это город ликования, в котором каждый, кто живет в подлунном мире, может поклониться тому богу, которому он доверяет. В Вавилоне более двух сотен храмов, а уж алтарей и жертвенников не счесть. В Вавилоне знают все о прошлом и будущем.

Нинурта снял руку с плеча Шама, нехотя отозвался:

– Так-то оно так, но я имел в виду твоего отца.

– Его можешь не опасаться. Он трусоват и, узнав, что письмо попало в руки к Салманасару, будет целовать тебе пятки.

Нину надолго замолчал, потом, видимо, окончательно одолев внутреннее сопротивление, согласился.

– Получается складно, но как отнесется дядя? Что решит великий царь?

– Нину, дорогой, любимый! Боги на моей стороне, ведь рассуди: как помимо их воли мы могли бы встретиться в степи? Или тебя послали следить за караваном?

– Нет, мы выехали на охоту.

– Вот видишь. Теперь тебе удалось поймать на лету птицу-удачу...

– Тебя, что ли?..

– Меня, любимый, меня. Нам нельзя мешкать, эта ночь все решит. Мы должны срочно отправиться в Ашшур. Мы вдвоем.

– Без охраны?

– Ты знаешь дорогу?

⁹ Сокращенное имя Ашшур-данин-аплу.

– Дорогу-то знаю, но по степи гуляют разбойники-бедуины. Наши разезды их приструнили, и все-таки...

– Тогда возьми самого лучшего лучника, способного стрелять ночью. Далеко до Ашшура?

– День пути.

– Значит, к полудню мы можем быть в священном городе. Караван оставь под присмотром Ардиса...

– Ушезуба!

– Кто такой Ушезуб?

– Одноглазый.

– Хорошо. Пусть командуют оба. Их нужно строгонастроено предупредить, чтобы никаких ссор, никакого шума.

Пусть караван доберется до Евфрата и там укроется. Тебе нужно многое успеть, а времени в обрез. Ты видал, как Сарсехим целовал пятки Одноглазого. Вот так же и мой отец будет лизать твои ноги. Но об этом никто не должен знать, кроме великого царя и твоего дяди. Пусть враги в Сирии тешатся надеждой на удар в спину, который нанесет Вавилон, когда полки грозного Салманасара выступят в поход. Пусть степь услышит тысячеголосое «ала-ала».

Нину некоторое время задумчиво молчал, потом неожиданно спросил:

– Что, если дядя откажет мне в согласии на брак с тобой? Он старший в роду.

Шама вздрогнула, потом прильнула к мужчине. Слезы выступили у нее, она нежно поцеловала Нину.

– Я не хочу расставаться с тобой. Не знаю, как я буду без тебя...

Нину судорожно обнял девицу, прижал ее голову к щеке. Шама жарко зашептала:

– Заступись за меня. Я всегда буду с тобой, но я так боюсь позора, любимый.

Она разрыдалась.

Лицо у Нину окаменело.

* * *

На следующий день Нинурта и Шаммурагат добрались до священного Ашшура – древнего города на берегу Тигра, родового гнезда ассирийцев.

Нинурта сразу поспешил к дяде, а Шама поместили на женской половине дворца наместника. Три семидневки Шама провела взаперти, под присмотром старенькой служанки родом с северных гор и пожилого, страдавшего неумеренной болтливостью евнуха. Новую подопечную он встретил доброжелательно и первым делом сообщил, что более всего на свете любит сказки. Известны ли госпоже какие-нибудь волшебные истории? Он охотно послушал бы и сам в свою очередь с радостью поделится тем, что знает.

Неуместность предложения навывлет сразила Шама. Ей, лишенной роду и племени, тайно, безо всякой защиты оказавшейся в чужом городе, о котором небезосновательно говорили, что лучше угодить в пасть крокодила, чем в логово безжалостных ассирийцев, самое время слушать сказки. Она уже готова была записать противного старикашку в число своих главных врагов, но, взглянув на его сморщенное личико, на доброжелательные, понимающие глазки, решила, что гневаться на евнуха значит обижать ребенка.

Стоит ли дразнить своих ангелов-хранителей, позволивших ей полакомиться чудом?

Сердце шепнуло – итог в твою пользу, и если за все в жизни приходится платить – так утверждал ее учитель в Вавилоне Набу-Эпир, – сказки можно считать легчайшим из наказаний, какое могли выдумать боги за доверчивость по отношению к ассирийскому бандиту и предосудительную потерю девственности.

Она ласково улыбнулась уроду.

– С какой же начнешь, Ишпакай?

– С самой занимательной и поучительной, царевна.

Шаммурамат обреченно кивнула, присела, устроилась на пятках и приготовилась слушать. Ишпакай проворно уселся напротив девушки – тоже на пятки, затем с удовольствием потер руки и начал так:

– Дошло до меня, о прекрасная царевна, что в городе Дамаске проживал дровосек по имени Али-Бабайя...

* * *

Дней через десять к Шаммурамат заглянул дядя Нину, наместник Ашшура Иблу. Во время встречи также присутствовал старый евнух. Наместник, человек необычно высокий, в присутствии царевны держался настороженно, сначала больше присматривался, чем говорил. Кратко поинтересовался: как ей здесь живется, не обижает ли кто?

Как еда?

Шами от всего сердца поблагодарила его и, словно догадавшись, чего от нее ждали, ни словом не заикнулась о деле, чем, по-видимому, расположила к себе стареющего полководца. Иблу уже более заинтересованно расспросил, как ей жилось у отца, кто такая Гула и с какой целью она отрезала у нее косу? Расспросил о настроениях при вавилонском дворе, слыхала ли она что-нибудь о сношениях ее отца с царем Элама? Шами объяснила, что свобода, дарованная дочерям царя Вавилона, была невелика – раз в неделю можно было в сопровождении служанки выйти в город. О том, чтобы посетить рынок или выехать на охоту, и речи не было, так что ни о каких сношениях она не слыхала. Здесь в глазах старого вояки мелькнул откровенный интерес, и он переспросил – ты умеешь ездить на лошади?

– Я люблю лошадей, люблю быструю езду. Во весь опор.

Ассирийский военачальник усмехнулся.

Шами торопливо продолжила:

– В отношении Элама при вавилонском дворе существуют разные мнения, но все сходится в том, что от коварных горцев можно ждать чего угодно и горе тем, кто рискнет связаться с ними. Хотя попасть в царский дом в Сузах хотели бы многие из моих сестер. Все страшно завидуют нашей старшей сестре, выданной замуж за великого Салманасара.

Иблу еще раз усмехнулся – по-видимому, он оценил намек, – затем пожал плечами и заметил:

– Тебе нечему завидовать – у нас в Ассирии женщин дома редко выпускают на улицу, разве что в храм, да и то в сопровождении охраны. О поездке на лошади даже и думать нечего. Что же касается охоты – это неслыханное дело, чтобы ассирийская женщина скакала на коне.

Шами поинтересовалась:

– Если мне позволено спросить у великого туртана, существует ли официальный запрет на подобного рода поездки и на охоту?

– Нет, официального запрета не существует, и все-таки я полагаю, что в храме великого Ашшура такую дерзость вряд ли сочтут позволенной.

– А что, если попробовать?..

Туртан не выдержал и засмеялся.

– Я слыхал, что вавилонские девицы хорошо воспитаны и пугливы, как горные козочки. Ты не из таких.

– Я из горных кошек и всегда готова постоять за себя.

– Скифская кровь, – покивал старик. – Это мне нравится. Ты бы согласилась показать свое лицо?

– Это великая честь для меня, – отозвалась Шаммурамат и откинула кисею.

Иблу не смог скрыть удовольствия, полюбовался и вышел. С того дня Шами стали в обилии давать фрукты и простоквашу.

По прошествии трех недель за Шами пришли. В сопровождении старенького евнуха ее провели на мужскую половину, в зал, где в присутствии советников и начальников эмуку¹⁰ восседал Иблу. Услышав, что ее назвали официально, по имени, с упоминанием отца и рода, Шами вздрогнула. Это означало, что пленницу признали. Может, великий и ужасный Салманасар еще более расщедрится?.. Она взмолилась, принялась упрашивать свою ламассу достучаться до могучей Иштар. Она уже совсем поверила в чудо, и все равно, когда писец-распорядитель объявил, что великий царь дал согласие на брак Нинурты-тукульти-Ашшура с дочерью вавилонского царя Мардука-Закира-шуми, – девушка едва не лишилась чувств. В виде особой милости царь царей, опора небес, повелитель света, великий Салманасар даровал Шаммурамат право выезжать из дворца на лошади. Когда же Иблу объявил, что ей разрешено присутствовать при встрече Нинурты-тукульти-Ашшура, возвращающегося из Вавилона, Шами не выдержала и захлопала, чем привела в смущение всех присутствовавших на церемонии. Кто-то из вельмож отвел глаза, другие опустили головы, чтобы спрятать улыбки, которые вызвала непосредственность невесты.

Эти несколько дней до возвращения Нину показали Шами пыткой, однако во время встречи она сумела сдержать нрав и вела себя изысканно. Как только молодые остались одни, Нинурта первым делом подхватил женщину на руки и поволок в спальню.

– Все сладилось, Шами. Через неделю, если предсказания будут удачными, свадьба.

Шами запрыгнула на мужчину и, не в силах сдержать радость, вцепилась в бороду. Тот сладко застонал...

¹⁰ Эмуку (сила) – крупное воинское соединение. Кисир (отряд) – основная организационная единица ассирийской и вавилонской армий. Численность от 200 до 500 человек. Кисир делился на пятидесятки, те в свою очередь – на десятки. Несколько кисиров составляли эмуку.

Часть II

Час предрассветный.

Скрылась луна, угасли светила. Только Иштар горит в предутреннем мраке. В преддверии дня богиня смотрит на землю, пронзает взглядом мглу, обнявшую воинский лагерь. Спят ли стражи ночные, честно ли службу несут?

Видит и то, что творится под каждой крышей. С радостью жены и девы дело свое исполняют? Сладостны ли их объятия?

Губ звезды касается вкус свежего пива. Ноздрей богини касается дым благовонный – это горят в алтаре кипарисные щепки.

Кто вызывает к Иштар с плоской крыши дворца?

Смотрит на землю Иштар, видит, как женищина вскинула руки.

– Госпожа, зываю к тебе! Помни! Госпожа, покровительница битвы, зываю к тебе. Помни! Богиня мужей, владычица женищин, та, чью волю никто не узнает, зываю к тебе. Помни!

Вновь проливается пиво на жертвенный камень.

– Муж отдыхает, мой муж отдыхает. Он доволен. Я им полна. Твоя милость безмерна. Помню!

Дым кипариса густеет. Ароматное пиво сохнет на камне.

В последний раз вскинуты руки.

– Щедрая чудом, владычица львов, имя твое над всеми. Тебя, отважную дочь Сина, хвалю. К тебе обращаюсь с молитвой.

Помню!

Грома раскатом ответило небо. Близок рассвет, брызжет лучами Солнце-Шамаш. Гаснет звезда.

Хорошо, когда боги рядом.

Глава 1

По прошествии трех семидневок, в конце месяца аяру¹¹, караван вновь двинулся в путь. Гула вела себя смиренно – не ерзала, не пыталась проделать дырку в пологе – и уже этим расположила к себе Сарсехима. Полдня она плакала, потом занялась своим прелестным личиком. Прихорашивалась до наступления темноты, поиграла с любимой куклой и наконец заснула. На следующий день проснулась поздно. Равнодушно отнеслась к скудной пище, играла с куклой, вежливо просилась по нужде.

Евнух, ожидавший от любимой дочери царя воплей, истеричных жалоб на тряску, плохую еду, скверное питье, неуместных требований соблюдать дворцовую форму обращения – «о великодушная!», «о царственная!», «о свет наших очей!», ей было достаточно и «госпожи», – окончательно успокоился и, глядя на полуденное солнце, впервые задумался о том, что путь в Дамаск мог бы считаться приятной прогулкой, если бы не жара, с каждым днем набиравшая силу, и ассирийские всадники, маячившие на горизонте.

Связь с ними поддерживал Ардис, иногда Партатуи-Буря, да и то таясь, пробираясь руслами высохших рек, прикрываясь стеной убивающих зноем базальтовых пустошей. Их неясное, призрачное и в то же время неотвязное присутствие не давало покоя, навевало смуту и мрачные предчувствия.

Причину задержки с доставкой невесты обговорили на Евфрате, да что толку! Сарсехим очень опасался, что по прибытии в Сирию ему не избежать пристрастных расспросов, к которым вполне могли быть добавлены пытки. Пусть даже легкие, вполсилы. Разум подсказывал, что с послем Вавилона постараются обойтись деликатно, без членовредительства и отрезания носа или ушей, и все равно печаль изнуряла не менее жары. В такие минуты Сарсехиму был особенно дорог свой пухленький живот, ухоженные руки, приятные для глаз обводы плеч. От предошущей жары, исходящего от раскаленного металлического стержня, которым палач будет готов пощупать его пупок, на глаза наворачивались слезы. Что уж говорить о биче из воловьей кожи, которым тот не преминет хлестнуть его по плечам.

Спасал опыт быстротекущей жизни. Пытки, если чуть-чуть и недолго, можно стерпеть. В конце концов, какой с него спрос? Каменная табличка доставлена в целостности и сохранности, а за беду, приключившуюся в пути с принцессой Шаммурамат, его никак нельзя считать виноватым. Ассирийцы налетели как вихрь, умыкнули невесту и умчались. Ардис с согласия Сарсехима отправил в Вавилон Бурю – тот и привез Гулу и новую охрану. Так что Сарсехима награждать надо, а не наказывать, ведь только благодаря его стараниям послание удалось сохранить в тайне.

¹¹ Вавилонский календарь 1. Нисану (март – апрель) – 30 дн. 2. Аяру (апрель – май) – 29 дн. 3. Симану (май – июнь) – 30 дн. 4. Ду'узу (июнь – июль) – 29 дн. 5. Абу (июль – август) – 30 дн. 6. Улулу (август – сентябрь) – 29 дн. 7. Ташриту (сентябрь – октябрь) – 30 дн. 8. Арахсамну (октябрь – ноябрь) – 29 дн. 9. Кислиму (ноябрь – декабрь) – 30 дн. 10. Тебету (декабрь – январь) – 29 дн. 11. Шабату (январь – февраль) – 30 дн. 12. Аддару (февраль – март) – 29 дн. Месяцы шумеры и древние вавилоняне (как, впрочем, и ассирийцы) делили на семидневные недели. Сутки начинались с заходом солнца и состояли из дня и ночи, разделявшихся на стражи: 3 ночные стражи от захода до восхода, и 3 дневные. Стражи делились на половины, называвшиеся бэру, или двойными часами. Каждую половину в согласии с шестидесятеричной системой счета составляли 30 шестидесятых, каждая из которых была равна нашим 4 минутам (это очень мелкая единица времени – в Европе минутная стрелка на механических часах появилась лишь в XVI в.). Продолжительность дня и ночи была равна только во время равноденствия. В соответствии с сезонными колебаниями продолжительности светового дня изменялась и продолжительность дневных и ночных страж, а следовательно, и двойных часов, и шестидесятых. Ровные единицы времени отсчитывались с помощью клепсидр (водяных часов). Вес вытекающей воды измерялся в минах и сиклях: 1 мина (очень приблизительно) соответствовала одной реальной страже. Днем время (по Геродоту) измеряли солнечными часами. Кроме того, в Вавилонии существовали особые таблицы, вырезанные на четырехгранных призмах, колонки цифр на которых отмечали продолжительность дня и ночи в разное время года, измеренную реальными, «равными», часами. (Клочков И. С. Духовная культура Вавилонии. Человек, судьба, время. М., 1983. С.12.)

На этом следовало стоять твердо. Он с надеждой поглядывал на Ардиса – может, с него начнут? Скиф – человек дикий, приучен к боли. Он изложит все, как приказал Нинурта. Тогда ему останется только подтвердить сказанное скифом.

На том и успокоился, но ненадолго. Ночью вместе с подступавшим холодом в сердце проникло ощущение цепкого неотвязного страха. Причину его отыскал в полдень, в самый зной, когда поддерживающий связь с Ардисом Набай внезапно, словно из-под земли, появился возле каравана. Увидев рядом с повозкой всадника в кожаном панцире и шлеме, напоминавшем воронку с загнутым вперед горлышком, охрана из вавилонян буквально оцепенела, подтверждая догадку евнуха, что не только он один страшится капкана, которым может обернуться Дамаск.

Ардис и Набай отъехали в сторонку, там, не обращая внимания на евнуха и пеших воинов, поговорили, затем диковатого вида юнец развернул коня и погнал его на восток, к ассирийской границе. Сарсехим, не в силах тронуться с места, долго глядел ему вслед.

Вот какая мысль незримым горбом висела за плечами, мешала радоваться счастливому избавлению от Нинурты, без конца ерзающей в повозке Шаммурамат и лакомиться припрятанным в обозе сирийским вином. Можно притерпеться к жаре, можно отрицать обвинения в трусости и измене, можно даже пожертвовать пупком – пусть немного поуродуют, но где укрыться от собравшихся в поход ассирийских разбойников, ведь в подлунном мире не было смертного, который бы не знал, что их главная цель – Дамаск!

Ассирийская армия – это жало судьбы! Их объятия – это объятия бога смерти Эрры! Их ручищи – это когтистые лапы самого страшного зверя, которого мир мертвых способен натравить на мир живых. У этого зверя множество лиц, и все они внушали нестерпимый ужас. Ему вспомнился запах протухших человеческих тел, столбы с нанизанными на них несчастными пленниками. Привиделись его родители, с которых живьем содрали кожу. Вспомнился он сам, униженный, страдающий от жуткой боли. Его, восьмилетнего, оскопили и бросили умирать на пороге сгоревшей хижины. Теперь каждую ночь, до самого Дамаска, он то и дело просыпался в холодном поту и все мыслил, мыслил – где спрятаться, в какую нору забиться, как вырваться из проклятой западни, чтобы только – о боги!!! – не оказаться под катком ассирийского нашествия.

Умиляла беспечность Гулы. Он и раньше, присматривая за любимой дочерью Закира, тайком посмеивался над ее пристрастием к собакам, куклам и нарядам, простодушной убежденностью в своем праве жить в праздном достатке и повелевать другими. Дурочка даже не догадывалась, что недолгим будет ее счастье, – на следующий год ассирийцы двинутся в поход, и только бог судьбы Набу¹² может сказать, где она окажется. Трудно назвать счастьем и ее будущее сожительство с Ахирой. Один из мелких писцов, сопровождавших сирийское посольство, признался Сарсехиму, что Ахира – проклятие царского рода. Наследнику всего двенадцать лет от роду, а веса в нем как во взрослом мужчине, и не потому, что он много ест, а потому, что беспросветно глуп. Боги с рождения обделили его разумом, он до сих пор пускает слюни и не прочь пососать соску. Других наследников мужского пола у царя Бен-Хадада нет. Мальчики, конечно, рождались, но от наложниц и рабынь, а такого рода отпрыски никак не могли претендовать на царский трон. От Ахиры толку мало, ибо детородный орган у него размером с тутового червячка.

Этих откровений хватило, чтобы до остальных несчастий, преследующих семью Бен-Хадада, евнух додумался сам. Такого рода наказание, которому боги подвергли правителя Сирии, не могло быть случайным, и соседи Дамаска, зорко следившие за главой союза, противостоящего ассирийскому зверю, невольно задавались вопросом – не в дырявый ли сосуд они

¹² Набу – покровитель наук и учености, «писец в собрании богов». В его ведении были «таблички судьбы», в которых расписан удел всякого, кто жил, живет и будет жить в верхнем мире. Считался сыном Мардука.

льют воду? Если Ахира годится в наследники так же, как шакал в писцы, какой смысл впрягаться в одну арбу с Бен-Хададом? Возможно, еще не поздно договориться с Салманасаром о признании его превосходства и, уплатив дань, избежать погрома. Останавливало единственное, но, к сожалению, перевешивающее все противоположные доводы соображение – дань, которую потребует ассириец, будет неподъемной. Раздень подданных до нижних туник, все равно может не хватить. Так что и добро потеряешь, и от нашествия не избавишься.

Весь дневной переход до предгорий Антиливана, где караван встретила почетная стража, присланная Бен-Хададом, скромная и по численности, и по знатности возглавлявшего ее вельможи, Сарсехим с нескрываемым презрением и злорадством поглядывал не беззаботную невесту. То – то в радость будет ей, когда пускающий слюни увалень навалится на нее, ухоженную, миленькую, отличавшуюся приятными на вид и обильными на ощупь телесами!

От мрачных размышлений евнуха отвлек Дамаск. Мельком отметив, что город оказался куда краше, чем о том рассказывали купцы и странники, он первым делом принялся изучать крепостные сооружения. Вид толстенных стен, в два кольца, обнимавших город, пробудил надежду. Человек пусть и неопытный в военном деле, но сообразительный, он сразу отметил дальновидный расчет, которым руководствовались строители. Бастионы были возведены таким образом, что те немногие пологие места, куда можно было подтащить тараны, с трех сторон охватывались могучими башнями. Город секла полноводная Барада, которую ни перегородить, ни осушить, ни отвести не удастся, так что воды всегда будет достаточно. Даже беглого осмотра хватило, чтобы понять – Дамаск окажется крепким орешком даже для таких поднаторевших в штурме крепостей бандитов, какими считались ассирийцы.

Испытав заметное облегчение, Сарсехим уже с большим вниманием приглядывался к городским строениям, храмам, дворцовой цитадели, до которой нападавшим тоже было не просто добраться.

Счастливо раскинувшись в прелестном, обильном зеленым оазисе, Дамаск благоухал бесчисленными садами. Земля, подготовленная к севу, благодатно дышала, обещая обильные плоды. Люди оказались приветливы и простодушны. Прием во дворце развеял самые худшие ожидания.

Во внутреннем дворе, у входа, выводящего в дворцовый сад, их встретил сам Бен-Хадад. Он вышел к процессии с немногочисленной свитой. Дурачка Ахиры среди них не было – сопровождавший караван вельможа, оказавшийся каким-то мелким чего-то смотрителем, рассказал, что после свадьбы молодых сразу отправят на север. Местность для кормления там скудная, зато крепость в горах неприступна. Эта подробность очень заинтересовала Сарсехима. Он любопытствовал насчет людей, сопровождавших принцессу. Сириец ответил – поговаривают, что вавилонян щедро наградят и скоро отпустят домой.

Так в кромешной тьме обнаружился проблеск. Может, укрыться в горной крепости? С другой стороны, Вавилон северные разбойники штурмовать не будут. Мардук-Закир-шуми им и так пятки лижет, а на прежнем месте, среди своих, он уж как-нибудь вывернется. Утерю таблички свалит на Ардису или на Шаммурамат. Может случиться, что «старшая в доме», Амти-баба, попытается излить на него злобу, но и с ней он сумеет договориться. Прежде она была без Сарсехима как без рук – никто не умел так ловко напакостить другим женщинам, как старший евнух, но главное – это беспрестанно хвалить Гулу, предрекать ей великое будущее. Надо постараться убедить мамашу, что Дамаск был потрясен ее приездом.

Понятно, с каким настроением он ждал появления на царском дворе доставленной им толстухи. Готовый для будущего восторженного отчета приписать Гуле самые невероятные достоинства, Сарсехим едва язык не проглотил, когда вавилонская царевна, ослепительно-нарядная, словно восставшая из пепла птица феникс, выскользнула из грязной, с драным пологом повозки и замерла в потоке солнечного света, пробивавшемся сквозь обильную листву, которой славился дворцовый сад правителей Дамаска.

Бен-Хадад удовлетворенно хмыкнул, и сопровождавшие его надменные сирийские вельможи сочли за лучшее поклониться такой изысканной красавице.

Гула, приветствуя царя, подняла руки до уровня груди и склонила голову.

Пришедший в себя Сарсехим отметил для отчета, что Бен-Хадад, несомненно, испытал потрясение при виде неземной красоты будущей невестки (нельзя же писать, что правитель хмыкнул). Мелкими шажками (будто по воздуху) принцесса приблизилась к царю. (Восхищенный) Бен-Хадад подал ей руку и повел во дворец.

Сказка складывалась самая увлекательная – ему было не в новинку описывать чудеса, которые то и дело случались с царственными особами. В Вавилоне зачитывались его писульки, в которых он отражал тот или иной праздник, церемонию или охоту, на которую выезжал непобедимый Мардук-Закир-шуми. В будущем отчете будет много о богатствах Дамаска, о благоприятных знаменьях, сопровождавших свадебный обряд, о храбрости сирийских мужчин и миловидности женщин, которым, однако, было далеко до царственной вавилонянки, чьи прелестное личико и необычная прическа вызвали стоны у местных модниц. Молодежь Дамаска, глядя на округлые формы чужестранки, которые очень подчеркивала чуть затянутая в поясе парадная туника, страстно целовали собранные в горсть пальцы и при этом восхищенно причмокивали. В свою очередь местные богатеи качали головами и поджимали губы при виде крупных изумрудов, вставленных в золотую диадему, сверкавшую в волосах невесты. Примечая характерные детали, Сарсехим не удержался от вздоха – знал бы, какие сокровища везла с собой толстуха, он, возможно, выбрал бы другую дорогу, ведущую подальше от назревающей войны. Упрекнул себя за простоту – не рассчитал, доверился Шаммурамат, которую куда как скудно собирали в путь. Видно, Амти-баба заставила папашу расщедриться.

Впрочем, теперь, после того как он доставил невесту и передал тайное послание доверенному человеку Бен-Хадада, его дело сторона. Когда процессия, покинувшая главный храм Дамаска, посвященный Баалу-Хададу, возвратилась в цитадель, он, допущенный в первые ряды встречавших, в последний раз глянул на доверенную его попечению царевну и, припомнив тутовый червячок, болтавшийся между ног Ахиры, едва сдержал смех. Тут же кто-то из богов кроваво резанул по сердцу – у тебя, несчастный, и такого оборвыша нет! Евнух загрустил, повесил голову и направился в казармы, где разместили гостей из Вавилона.

Пора собираться в дорогу.

* * *

«Не забывай, ты – дочь Вавилона. Держись с достоинством, но без надменности, и боги не оставят тебя», – эти мамины слова Гула запомнила накрепко.

Весь путь от родного Вавилона, где ее спешно собрали, затем сунули в паланкин, подвешенный между двумя скакунами, – она повторяла их. На прощание с матерью ей дали не более двух часов – старая женщина вымолила эти недолгие минуты у молодого, чернобрового, с ухоженной бородой ассирийца, распорядившегося царем великого города, как своим посыльным. Этого времени хватило и для укладки нарядов и драгоценностей, и для краткого сурового наставления, и для того, чтобы Гула на всю жизнь запомнила, по чьей милости в ее жизни произошел такой крутой поворот. Мать объяснила, что этот нахальный ассирийский красавец и есть тот самый племянник наместника Ашшура, за которого Амти-баба мечтала выдать свою «птичку», если, конечно, сорвалась бы сделка с царем Элама, который также требовал для своего наследника вавилонскую царевну. Мама не скрыла, что ее неожиданный жених – малолетка и полный идиот, и что пойти на этот шаг отец был вынужден, спасая свою голову, и что от всех несчастий можно уберечься, только сохраняя достоинство и здравый смысл.

– Ты у меня неглупая девушка. Поклонись Иштар, – по советовала мать, потом, после короткого раздумья, отвергла эту мысль. – Нет, оставим Иштар скифянке. Тебя назвали в честь

великой богини-целительницы Гулы, под чьим присмотром находится сама смерть. К сожалению, власть Гулы невелика, ведь люди, несмотря на все ее искусство, мрут как мухи, но она в родстве с царицей мертвых Эрешкигаль, чьего гнева страшится даже царь богов Мардук. Поклонись Эрешкигаль. Если она полюбит тебя, станет легче.

Гула разрыдалась.

– Мама, я брошусь в ноги отцу! Я оближу пятки этому ассирийцу, только позвольте мне остаться дома.

Мать погладила дочь по голове.

– Что решено – решено, не будем об этом.

Амти-баба при расставании даже не заплакала, пошучивала с Нинуртой-тукульти-Ашшуром. Тот лично сопровождал царевну до Евфрата, где вернул злосчастную табличку Сарсехиму, передал необходимые инструкции ему и Ардису, а также Ушезубу – пусть его молодцы держатся подальше от каравана и не мозолят глаза сирийским соглядатаям.

У несчастной невесты было время поразмыслить над мамиными словами и укрепиться духом. Может, поэтому в первую брачную ночь с сирийским недоноском она была готова вести себя с достоинством. На прощание поцеловала куклу, разделась донага, легла на брачное ложе, накинула покрывало, мысленно приказала себе приветливо встретить мужа, быть покорной и ласковой. Когда же в освещаемую единственным тусклым светильником комнату вошел кто-то грузный – абрис вошедшего размывался тьмой – и начал топтаться у порога, она оцепенела. Сердце забилося так отчаянно, так безнадежно, что была бы ее воля, она метнулась бы к стрельчатому окну и бросилась вниз головой, даже не пытаясь вспомнить, сообразуется ли такой поступок с царским достоинством.

Наконец жених скинул темное и, оставшись в светлом, приблизился к ложу, присел в ногах. Гулу поразило дыхание жениха, никак не походившее на дыхание Ахиры. Тот сопел как бык на пастбище, при этом похрапывал и чавкал, – этот же едва слышно вкушал воздух. Его дыхание было чистым и ароматным.

Незнакомец подсел ближе. Девушка негромко вскрикнула, судорожно поджала ноги, натянула покрывало на обнаженную грудь. Мужчина оказался немолод, седобород, у него был орлиный профиль. Когда же он заговорил, сердце Гулы просто остановилось, чтобы потом, когда проклюнулась догадка, забиться с такой исступленной силой, что она не выдержала и зарыдала.

Плакала недолго, всего несколько всхлипов, потом справилась со слезами и в упор глянула на мужчину. Тот, видимо, понимая, какой ужас он внушает невесте, положил свою руку поверх ее руки, лежавшей на покрывале, и тихим, волнительно-проникновенным баском произнес:

– Я мог бы приказать тебе смириться, но мне не хотелось бы обижать твоих ламассу и шимту и лишать тебя права выбора.

Гула, попытавшаяся ответить, обнаружила, что не в силах справиться с голосом.

– Мне бы хотелось, – продолжил мужчина, – чтобы твое согласие было добровольным, ибо без него мне придется прибегнуть к насилию. Мне жаль тебя, но так решили боги, и я обязан исполнить свой долг.

Наконец Гула обрела способность говорить.

– Царь, о каком долге ты говоришь? Я не могу противостоять насилию, но как ты осмелился бросить вызов богам, соединившим нас с твоим сыном узами брака?

Бен-Хадад упрямо возразил:

– Жизнь мира требует, чтобы у меня был наследник. Бога тырь! Все гадания, знамения и ответы на вопрошания жрецов истолковываются однозначно – таково повеление Баала, а он знает, что говорит, ведь он сам был рожден Ашерту от ее отца Илу.

– Господин, моя жизнь принадлежит тебе, но мое лоно?! Что скажут иноземные послы, присутствовавшие на свадьбе, что скажут твои подданные? Злые языки испортят жизнь твоему сыну, и всякий конюх, а то и раб...

Бен-Хадад усмехнулся.

– Что еще, кроме того, что случилось, может испортить жизнь Ахиры? В этом есть и доля моей вины, потому что я ослушался богов... Впрочем, это давняя история. Что касается тебя, клянусь, никто, не то что раб или конюх, даже человек царского рода, не посмеет ткнуть в тебя перстом. Ты еще плохо знаешь мой народ.

Если воля богов исполнится, никому ни в городе, ни в стране в голову не придет помыслить о паскудном. И дело даже не в чести царской семьи или моего сына. Просто у нас иначе относятся к повелениям богов, чем у вас. Беда в другом...

Он неожиданно примолк, потом уже более страстно и взволнованно продолжил:

– Беда в тебе. И во мне! Как только я увидел тебя, ты стала несказанно дорога мне. Ты затмила солнечный свет, ты украсила мой сад. Поверь, я никак не ожидал, что ты будешь так хороша собой, так царственна, так беззаботна, ведь твоему отцу было известно, что ждет тебя в Дамаске. Он не поскупился, он отдал самое лучшее, что у него было, невзирая на то, что всех нас ждет жестокая битва. Я благодарен Мардуку-Закиру-шуми и не хотел бы выглядеть менее щедрым, чем мой вавилонский друг. Подумай о моем народе, о том, что случится с благоуханным Дамаском, если со мной произойдет беда.

Пауза.

– Поверь, я не молод и знал женщин, успел насладиться ими и обмануться в них. Может, потому, что порой бывал нетерпелив.

Если ты полагаешь, что в жизни меня всегда ждала удача и боги всегда были милостивы ко мне, ты ошибаешься. Я пролил много крови в борьбе за трон, и наказанием послужил Ахира, сын моего младшего брата, жену которого я взял в супруги, когда Рамаил получил по заслугам за козни, которые он строил против меня.

Я взял ее, не зная, что она беременна, и Ахира...

Невеста ослабила хватку, с которой держалась за покрывало – единственную преграду между нею и царем.

– Он твой племянник?

Бен-Хадад кивнул.

– Я был вынужден объявить его своим сыном. Боги прокляли его, и тень проклятия упала на меня. На всех, кто подвластен мне. Конечно, боги не оставили меня. Баал даровал мне победу под Каркаром. Мне удалось разгромить самого Салманасара и его свору...

– Я слышала, – робко вставила Гула, – царь Ассирии объявил, что это он одержал великую победу? Разве нет?..

Бен-Хадад хмыкнул.

– Если бы Салманасар одержал верх, сидел бы я рядом с тобой! Скажем так... мы разошлись с ним вничью, но и это неслыханный успех, ведь я первый, кто сумел усмирить ассирийских разбойников. Вот почему Салманасар не знает покоя. Новая вой на будет куда страшнее. Мне донесли, что ассирийцы собирают огромное войско.

Затем он продолжил весело, с отбивающей охоту возражать интонацией:

– Что касается формальностей... О том, что произойдет сегодня, знают всего несколько человек. Сегодня утром из твоей спальни выйдет Ахира, все с ликованием встретят его. В положенный срок ты родишь ему сына, а мне наследника. Прорицатели указали – боги требуют, чтобы я спас государство. У меня нет выбора, только так я могу заставить окружающих меня иноземных прихвостней принять участие в вой не. Нашествие не за горами, так что не позже месяца шабату (январь – февраль) ты должна подарить Дамаску наследника.

Утром, услышав негромкий стук в дверь, царь рявкнул:

– Что надо?!

Из-за двери раздался тоненький голосок:

– Государь, скоро рассвет. Мы привели Ахиру.

Гула вздрогнула, крепко прижала к себе Бен-Хадада, умоляюще глянула на него.

Тот шумно выдохнул, освободился из объятий, поднялся с ложа и, приблизившись к двери, приказал:

– Уведите его обратно, дайте сладкого. Держите под надзором, никому не показывайте. Меня больше не беспокойте.

Затем вернулся на ложе, аккуратно взгромоздился на женщину, овладел ею и прерывающимся голосом выговорил:

– Твоя сладость не знает пределов. Твоя красота целительна, твое лоно отзывчиво. Я останусь с тобой, пока ты не попросишь об отдыхе.

– Никогда не попрошу, о любимый. Я рожу тебе сына. Я рожу тебе много сыновей.

Глава 2

Спустя два месяца после свадьбы Нинурты-тукульти-Ашшура и вавилонской царевны Шаммурамат наместник Ашшура вместе с племянником были вызваны в Калах, чтобы окончательно определиться с планом нового похода на запад. Проводив мужа, Шами решила посетить храм Иштар.

Был конец лета, стояла нестерпимая жара. Ишпакай посоветовал женщине подождать возвращения Нинурты. К тому времени спадет зной, и в следующий праздник полнолуния она, сопровождая супруга, с подобающей свитой сможет посетить храм бога Ашшура, покровителя Ассирии, и показать себя народу страны. Нет, ответила Шаммурамат, сейчас, в самую жару!.. Поеду верхом, со мной две служанки и три охранника. Отправимся в храм Иштар, я должна поблагодарить свою покровительницу.

– Не забудь накрыть голову, – предупредил евнух, – у нас с открытой головой ходят только рабыни и продажные женщины.

Народ, пораженный небывалым зрелищем – молодая жена племянника туртана позволила себе влезть на спину лошади да еще раздвинула ноги, как самая бесстыдная шлюха! – толпой следовали за ней. Скоро все улицы, ведущие к храму богини, оказались забиты сбежавшимися со всех концов города жителями. Дошло до того, что женщине окончательно перегородили дорогу. Шаммурамат придержала коня и попросила мужчин расступиться.

Из толпы задиристо крикнули:

– Куда спешишь, красавица?

– В храм владычицы Иштар, которая нянчила меня в младенчестве.

Толпа затихла, пораженная неслыханной дерзостью, – такое кощунственно-приземленное отношение к грозной богине здесь было в диковинку.

– Когда я была младенцем, мать принесла меня в храм Иштар в Вавилоне. Я пролежала там три дня. Как видите, богиня позаботилась обо мне. Она покормила меня своим молоком, подарила удачу. Я прихватила ее в священный Ашшур. Гляньте, кто парит над вашими головами.

Толпа – все как один – задрала головы. Над городом парил орел. Этого было достаточно, чтобы люди расступились и освободили дорогу.

С того дня по городу, по стране побежало: «Эта скифянка та еще штучка!» Кое-кто настаивал: «С ней не пропадем, она принесет удачу!» Другие (этих больше) кривились: «Боги не любят выскочек, не этого они ждут от черноголовых».

Слухи об иноземной красавице, которую якобы выкормила сама Иштар, скоро долетели и до столицы. В Калахе, среди военных, близких к младшему брату Салманасара Шамши-Ададу, начали поговаривать – если племянник туртана действительно обрел помощницу, вскормленную молоком Иштар, врагу несдобровать.

Такого рода оценки вызвали насмешки в окружении старшего сына и наследника царя Шурдана. Принц выразился в том смысле, что неплохо было бы обратить внимание на эту ни с того ни с сего свалившуюся им на голову «воспитанницу Иштар», и если это правда, если грозная богиня и впрямь покровительствует молодой женщине, место ли ей в хижине какого-то худородного вояки? Его поддержали жрецы храма Мардука в Калахе и храма Иштар в Ниневии. Они призвали великого царя остудить пыл зарвавшейся вавилонянки. Нельзя в преддверии войны оставлять без внимания ее «художества». Чего стоит утверждение, что она якобы вкусила молока богини! Боги не любят, когда смертные набиваются к ним в родственники. Жрецы настаивали – следует незамедлительно напомнить наместнику Ашшура о необходимости строго соблюдать обычаи предков, а его племяннику – чтобы тот держал в узде молодую кобылицу и не позволял ей смущать народ своими выходками.

Салманасар, на удивление низкорослый, даже субтильный и в то же время крепкий старик, обратился к самому главному из жрецов:

– Ты имеешь в виду позу, в какой она ехала на лошади?

Жрецы наперебой тонко заголосили – да, величайший, обязательно, величайший, это великий срам, величайший, нельзя гневить богов, величайший. Старейший из жрецов – морщинистый, бритый наголо старик – с обидчивым намеком добавил:

– И не только это.

Царь поинтересовался:

– Что же еще? – и, не дожидаясь ответа, заговорил сам: – Говорят, вавилонянка очень хороша собой. Кое-кто утверждает, стоит ей взглянуть на мужчину, и тот не может сдвинуться с места. Ноги прирастают к земле. Ты это имел в виду?

Старик ответил:

– Так говорят, но...

Салманасар жестом прервал его, легко поднялся с трона, объявил:

– Выезд, посадка, обольстительная красота – это пустое.

Сейчас есть дела поважнее.

* * *

Спустя неделю, в присутствии вернувшегося из столицы Нинурты-тукульти-Ашшура, Ишпакай похвалил Шами за то, что она не перегнула палку и назвала три дня, в течение которых Иштар кормила ее молоком. Превратить три часа в три дня – это правильно, это убедительно, безрассудством было бы настаивать на трех неделях или месяцах.

– С тобой, драгоценная, могло случиться то же, что случи лось с башмачником из славного города Ниппура. Опасность подстерегла его с неожиданной стороны...

Нинурта вспыхнул.

– Тебе бы следовало получше приглядывать за этой женщиной, Ишпакай, а не утомлять нас рассказом о том, что случилось с глупым башмачником. Уже поздно, я заберу свою жену. Чтобы нам не было скучно, прикажи принести в спальню напитки и свежие фрукты. Я люблю закусывать арбузом.

– Если господин не хочет знать, как отбиться от местных жрецов, которые вот-вот нагрянут во дворец, я не стану перечить.

– С чего бы им нагрянуть? – удивился Нину.

– Чтобы приструнить твою молодую жену.

– Ты полагаешь, им хватит смелости нагрянуть? – помрачнел Нинурта.

– Непременно, в нашем местном храме Ашшура очень настроены против Шами, так что тебе и твоему дяде придется приготовить им щедрые дары.

Начальник конницы совсем загрустил.

– Как не вовремя! Может, они согласятся принять дары после похода?

– Господину известно, что священники – люди практичные. Им лучше, чем кому другому, известно, война – дело рискованное. А вдруг боги и на этот раз отвернутся от храбрых воинов Ашшура? Они потребуют плату сейчас, иначе откажутся давать предсказания.

– Ох, и заварила ты кашу, Шами! – воскликнул Нинурта.

– Не расстраивайся, любимый! Я знаю, как умиловить жрецов. Я предложу им дар, от которого они не смогут отказаться.

Нину подозрительно глянул на жену.

– Что ты задумала на этот раз?

Шами объяснила:

– Я посоветовалась с Ишпакаем. Он рассказал, что жрецы Ашшура уже несколько раз ошибались с определением сроков разлива Тигра¹³. Их предсказания перестали сбываться, но хуже всего, что они не в состоянии правильно рассчитать момент явления на небе божественной Иштар. Небрежение или неумение вычислить точное время восхода звезды – куда более серьезное прегрешение, чем женщина на коне. Конечно, они попытаются списать на меня свои просчеты. Они с пеной у рта будут доказывать, будто из-за меня священный Тигр медлит с разливом. Я виновна в том, что они то и дело ошибаются с определением сроков посева. Эти обвинения, в конечном счете, будут направлены против наместника и тебя. Святоши полагают, что сейчас самое время устроить распрю. К сожалению, без доброй воли жрецов, без их поддержки невозможно добиться согласия в городе, а без согласия как воевать!

Смуту надо погасить в корне.

Пусть выложат все, пусть нарвутся.

Я знаю, как их приструнить.

Ту же мысль Шами высказала в присутствии вернувшегося из столицы Иблу.

– Что скажешь на это, Нину? – обратился к племяннику наместник.

Тот пожал плечами.

– Мое дело, господин, – командовать конницей. Когда я вижу перед собой врага, я знаю, что мне делать. Бороться со сплетнями – это женское дело.

Наместник не смог скрыть раздражения.

– Сплетни, племянник, это далеко не женское дело. Это со всем не женское дело.

Он помолчал, потом кивнул.

– Хорошо, пусть ответит твоя жена, не знаю, на радость или на горе эта разбойница поселилась в нашем доме...

– На радость, господин, на радость, – улыбнулась Шами. – Когда жрецы явятся к тебе, о многомудрый Иблу, согласишься с тем, что женщина, севшая на лошадь и публично раздвинувшая ноги, достойна осуждения. Но в таком случае как следует поступить с теми, кто уже в который раз проворонил появление на небе молодой Иштар? Какой каре подвергнуть тех, кто в нынешнем году ошибся с разливом Тигра? Спроси их, о достойный, почему они раз за разом допускают ошибки, оскорбляющие богов, и не должен ли ты, как правитель города и глава общины Ашшура, задуматься, ради чего Иштар прислала в город свою воспитанницу. Не ради ли наведения порядка в исполнении обрядов?

– Ты настаиваешь, что являешься воспитанницей Иштар? Не принесет ли это ущерба нашей чести? – перебил ее Иблу.

Ответил Ишпакай:

– Почему бы нет, господин? Если один из мужчин дома Иблу имел счастье овладеть женщиной, вскормленной молоком богини, разве это не знак благорасположения богов? Мы должны заставить других поверить в чудо. Если кто-то испытывает сомнения, пусть придержит язык. Если эта мера не поможет, особенно болтливым следует отрубить головы. Нам, в кругу своих, не нужна ссора, особенно в тот момент, когда Бен-Хадад грозит отправить детей Ашшура к судьбе.

– Это слова, Ишпакай, а слова как ветер. Вылетели – не поймашь. Я знаю жрецов, они злопамятны и хитры.

– Если потребуют, чтобы мы наказали Шами, мы накажем. Но пусть жрецы и храмовые прорицатели возьмут на себя ответственность за точность определения восхода Иштар, за

¹³ За полтора века до правления Салманасара (около 1100 г. до н. э.) в Ассирии был введен вавилонский лунно-солнечный календарь, объединивший счет времени по солнцу и по луне и позволявший более точно вычислять сроки паводка на Тигре и Евфрате, что имело решающее значение для выживания в Месопотамии. Дело в том, что разливы таких великих, как Тигр и Евфрат, рек (как, впрочем, и разлив Нила) определяли сроки начала сельскохозяйственных работ. Нарушение сроков могло привести к голоду.

сроки объявления посевной и, главное, за оракул насчет будущего похода. Всю полноту ответственности, гос подин! Пусть потом не делят ее на двоих, на троих, на всех жителей города. Пусть потом не ссылаются на волю богов, на их непредсказуемость. Почему-то в Вавилоне умеют точно вычислить и час восхода великой Иштар, и начало разлива Евфрата...

– Хорошо, что же нам делать?

Ответила Шаммурамат:

– Ты, о много испытавший, должен попросить царя Вавилона прислать в город знающего человека. Например, Набу-Эпира. Он учил меня в детстве, ему много известно – и путь звезды в небе, и путь корабля в море, и путь мужского семени в теле женщины.

Он сверит звездные таблицы и исправит ошибки, внесет поправки в священные тексты и научит местных писцов скорописи. Все это Набу-Эпир сделает за малую плату, причем эти расходы род Иблу должен взять на себя.

Она сделала паузу и уже куда уверенней продолжила.

– Отец не сможет отказать. При упоминании твоего имени его бросает в дрожь. Набу-Эпир привезет с собой хороших уману¹⁴. Пока еще никто не смел отказаться от помощи ученых людей из Вавилона, ведь тщательное исполнение обрядов, точность определения местоположения звезд, умение дать верное предсказание – есть наипервейшее условие успешного похода. Об этом известно не только местным жрецам, но и оказывающему мне покровительство великому Салманасару. Мне кажется, что главному жрецу храма Ашшура, связанному молчанием великого царя, ничего не останется, как подтвердить, что мне посчастливилось отведать молока Иштар.

Иблу, Нинурта и евнух засмеялись – эта женщина переплюнула их всех.

Когда же Нину и Шами остались одни, женщина призналась:

– У меня есть для тебя еще одна приятная новость.

– Какая?

Шами покрепче вцепилась в его бороду и шепнула на ухо:

– Я жду ребенка...

Мужчина даже вскочил в постели – вместе с прижавшейся, вцепившейся в его бороду женщиной. Он обнял жену, закружил.

– Это будет мальчик! – потребовал он.

Шами покорно согласилась:

– Это будет мальчик. Для этого я ездила к той, кто три дня кормила меня своим молоком, кто покровительствует мне.

Нину положил жену на ложе, провел пальцем между грудей.

– Ты уверена, что жрецы смирятся?

Его палец медленно сползал к пупку, вошел в пупок, двинулся ниже, замедлил ход у зарослей. Шами часто задышала, привлекла мужчину к себе, принудила его поспешить.

Насытившись друг другом, Шами, расположившаяся на муже, свернулась калачиком и тихо затянула какую-то заунывную бесконечную мелодию, затем внезапно и резко перевернулась, прижала пальчик к губам Нину, потянувшегося ее поцеловать, и подтвердила:

– Что им остается! Полагаю, Салманасару будет приятно узнать, что воин, собирающийся стать туртаном, столь разумен и прозорлив.

Нинурта-ах-иддин не спеша, молча закрыл и открыл глаза. Так поступают все мужчины, когда их покрывают любимые женщины.

¹⁴ Ученые, учителя, мастера (те, кто обучает других).

Глава 3

После обряда бракосочетания в Дамаске, казалось, напрочь забыли о вавилонском посольстве. Все напоминания о скорейшем отъезде натыкались на непонятную глухоту придворных писцов. Их словно подменили – прежняя доброжелательность, стремление угодить посланцу Вавилона сменилась откровенной волокитой, полным забвением прежних обязательств. Писцы внимательно выслушивали евнуха, но мысли их витали где-то далеко, причем, по сведениям вышедших в город вавилонских воинов, той же непонятной мечтательностью заразились все дамаскинцы. Прежнее гостеприимство, радость общения, желание как можно больше поведать о городе сменились беспробудным равнодушием, если не настороженностью, по отношению к чужакам. Даже знакомый смотритель, которому евнух передал врученную ему Мардуком-Закиром-шуми глиняную табличку, теперь откровенно избегал «закадычного друга». Являясь человеком официальным, он не мог, как другие, отказаться от встречи, во время которой опытный Сарсехим все-таки сумел угостить его вином, после чего чиновник признался, да и то с недомолвками, что положение резко изменилось и в городе ждут знамения. До той поры, пока боги не откликнутся, ничем другим заниматься нет смысла. После короткой паузы он с неохотой выдал:

– Купцы сообщили, что Салманасар скоро прибудет в Ашшур. Сейчас как никогда важно знать волю богов.

Этих слов Сарсехиму хватило, чтобы догадаться – не позже зимы ассирийцы выступят в поход. Мысль была настолько пугающая, что более не хотелось выяснять подробности – хотелось сидеть и тупо прислушиваться к ударам собственного сердца, возможно, это были последние удары, однако евнух пересилил себя.

– По какому же поводу ждете знамения?

– Городу нужен наследник.

– И что?

– Вот царь и трудится не покладая рук, чтобы уж наверняка.

– Ты оговорился, уважаемый, – удивился Сарсехим. – Трудится Ахира.

– Я не оговорился. Трудится царь.

Сарсехим, не скрывая недоумения, глянул на смотрителя. Тот попытался объяснить:

– Сейчас все зависит от царя. Если ему не удастся угодить богам, если небожители не дадут ответа, вряд ли тебе, вавилонянин, удастся получить обещанную награду и покинуть Дамаск.

– Как же он трудится?

Смотритель удивленно глянул на евнуха – ты что, сам не догадываешься?

Сарсехим поправился:

– На ком же он трудится?

Чиновник глянул по сторонам и тихо выговорил:

– На вавилонской принцессе.

– Но!.. – только и смог вымолвить евнух и тут же прикусил язык.

Смотритель веско, с некоторой даже угрозой предупредил:

– Такова воля богов! Все считали, что хватит одной ночи, но, хвала Ашторет, она сумела внушить нашему повелителю неумную страсть. Это очень обнадеживает.

На какое-то мгновение Сарсехим, утонченный вавилонянин, позволил себе втайне посмеяться над трудолюбием царя, однако веселье скоро сменилось ожиданием беды.

– Что же случится, если окажется, что повелитель старался напрасно?

Чиновник хмыкнул – совсем как Бен-Хадад, – и с сожалением глянул на евнуха.

– Тебя, любезный, и твоих людей посадят на кол, ибо вы до ставили в Дамаск порченую смокву.

В полной растерянности Сарсехим вернулся в казармы. Услышанное от зрителя никак не совмещалось с угрозой надвигающейся войны. Каким же образом Бен-Хадад собирается отразить приближавшееся нашествие? Он не нашел ничего лучше, как отобрать супругу у своего наследника?

Евнух с размаху шлепнул себя ладонями по щекам. Что позволяют себе эти гнусные сирийцы? Как можно приписывать разнузданную похоть воле богов? Их наказания ясно выражены в законах Хаммурапи. Боги обязали смертных вести себя так, чтобы мировой порядок, который установил Мардук-Бел, держался непоколебимо. В табличках записано – за тяжкое преступление, которое совершил Бен-Хадад, виновного следует зашить в кожаный мешок и бросить в воду. Это не прихоть древнего царя! Это основа, на которой держится порядок в мире! Это скрепа, не позволяющая суше расколоться и погрузиться в пучину Мирового океана.

Или у местных богов иное понимание жизни, чем у их собратьев в Аккаде? То, что в Вавилоне считалось гнусностью, здесь почитается за богоугодное дело? Тогда зачем грозить «бесплодной смоквой»? За чью вину ему придется расплачиваться?

В казармах, сообщив спутникам, что отъезд затягивается, и утихомирив возмущенные возгласы, евнух задался практическим вопросом – как быть со спасительной сказкой, с помощью которой он надеялся оправдаться в Вавилоне? Мысль о том, что ему придется поведать Амти-бабе, как в этом проклятом городе поступили с ее дочерью, приводила в ужас. Кто мог предположить, что жеребиная страсть Бен-Хадада – такая опасная штука?

В Вавилоне тоже почитали Иштар – согласно древнему обычаю раз в жизни каждая гражданка была обязана прийти на поклон к грозной богине, но исполнялось это скромно, с достоинством. В назначенный день женщины собирались на храмовой площади между святилищем Мардука и зиккуратом¹⁵. Здесь, потупив глаза, они присаживались на корточки и терпеливо ждали, когда оказавшиеся в городе иноземцы не выберут себе напарницу в деле прославления великой богини. При этом существовало множество запретов деликатного свойства, позволявших избежать выхода на площадь девственницам, невестам, хворавшим женщинам. К этому священнодействию в городе относились скорее как к последнему средству против бесплодия, чем к обязательной повинности или безумному звериному соитию, каким отличился славный воитель, царь Дамаска Бен-Хадад.

* * *

Известие, что Салманасар в конце лета собирается прибыть в Ашшур, древнюю столицу Ассирийского государства, застало Бен-Хадада во время трапезы. Его сообщил старший спальник, по приказу которого два раба-нубийца внесли в спальню столик с разложенными на блюдах едой и фруктами.

Царь спустил ноги с ложа, предложил Гуле на выбор курицу, жареное мясо, каши, фрукты. Молодая женщина предпочла кашу, затем попросила сочную грушу. Она наслаждалась грушей лежа, полузакрыв глаза. Бен-Хадад взялся за курицу, кусал жадно, глотал кусками.

Услышав весть, Бен-Хадад на мгновение замер, потом принялся с еще большим ожесточением рвать зубами куриное мясо. Насытившись и выпив вина, поднялся, подошел к окну, глянул на залитый солнцем Дамаск. Весть о том, что Салманасар определился с выбором, окончательно развеяла надежду, пусть и тоненькую, что в следующем году ассирийский царь двинется на восток, в страну мидян, или на север, против Урарту.

¹⁵ Храмовая ступенчатая башня, на вершине которой обычно устраивалось святилище того или иного бога. Использовалась также и для астрономических наблюдений.

Пусть свершится назначенное!
Не поворачивая головы, приказал:
– Ступай.
Слуга не шелохнулся.
– Что еще? – спросил царь.
– Из Ашшура доносят, что молодая супруга племянника Иблу объявила себя «воспитанницей Ашерту».
– То есть ты хочешь сказать, что она сошла с ума? Это важно?
– Ассирийский народ с восторгом встретил это заявление.
– Что Салманасар?
– Молчит.
– Ты утверждаешь, что смертная женщина объявила о своем родстве с могучей Ашерту, а Салманасар молчит?
– Да, повелитель.
– Ты полагаешь, его молчание что-то означает?
– Да, государь, – ответил слуга.
– Что оно означает?
Спальник позволил себе промолчать.
Бен-Хадад повернулся в его сторону.
– Теперь все?
– Нет, государь, – ответил евнух и бросил опасливый взгляд в сторону Гулы.
– Говори, – приказал царь.
Женщина отложила грушу.
– Купцы утверждают, – заявил спальник, – что эту мошенницу зовут Шаммурамат. Она – дочь Мардука-Закира-шуми, и по слухам, скорее всего непроверенным, именно ее предназначали в жены принцу Ахире, но не довели.
– То есть как не довели? Кого же довели?
– Меня, – откликнулась Гула и, обратившись к спальнику, распорядилась: – Ступай. Тот благоразумно удалился.
Бен-Хадад вернулся, сел на ложе, вопросительно глянул на женщину.
Гула объяснила:
– Отец отправил скифянку в Дамаск, но по пути караван захватили ассирийские бандиты. Я не знаю, каким образом эта негодная сумела околдовать наместника Ашшура и его племянника.
– Ты хочешь сказать, что твой отец согласился на подмену?
– У него не было выбора.
– То есть как не было выбора?! Выходит, послание твоего отца тоже побывало в их руках? Боги наказывают меня за ослепление!..
Он решительно направился к двери. Вслед ему Гула с достоинством напомнила:
– Если ты собираешься подвергнуть пыткам Сарсехима, ты поступишь неразумно.
Бен-Хадад впал в ярость.
– А как разумно?! Ты предлагаешь отдать палачу тебя? Я не позволю относиться ко мне как к простаку, которого всякий может обвести вокруг пальца! Которому можно подсунуть всякую завалившуюся дрянь!
Гула вскрикнула, прижала ладонь к губам, потом тоненьким голосом предупредила:
– Молчи!!! Не говори больше ничего, чтобы потом не пожалеть об этом. Ты сомневаешься, что я – вавилонская принцесса?
Бен-Хадад смутился.
– Нет... мои люди подтвердили... но...

– Ты полагаешь, что получил бы от этой скифянки больше, чем получил от меня?
Бен-Хадад возмутился.

– Как ты могла подумать такое? Какое мне дело до этой продажной девки, когда у меня есть ты!

– Я вовсе не ревную к этой скифянке, мне нет до нее дела. Я озабочена безопасностью государства.

– То есть? – не понял царь.

– Не лучше ли сохранить в тайне все, что случилось в пустыне, – предложила молодая женщина, – и воспользоваться случаем обмануть ненасытного Салманасара?

– Как? – заинтересовался Бен-Хадад.

– Это надо обдумать, мой царственный. В этом деле спешить нельзя. Иди ко мне, я тебе объясню...

Насладившись друг другом, Гула пощекотала ноготком плечо царя.

– Меня пугает, что народ Ашшура поверил этой гнусной лжи. Притязания скифянки на родство с Иштар опасны.

– Эти дикие варвары готовы поверить чему угодно, лишь бы броситься на чужое добро.

– Сейчас важно сохранить в тайне существующее положение вещей. Это поможет нанести ассирийцам удар еще до того, как они отправятся в поход.

– Ты полагаешь, что, уличив твою сестру во лжи, мы выиграем первую битву? Внесем смуту в их ряды?..

– Еще какую! Предупреди старшего евнуха, чтобы тот держал язык за зубами. Пусть Сарсехим еще раз попадет в плен к ассирийцам. Вопрос, что он им выдаст?

Бен-Хадад вскочил с ложа, шагнул к окну. Он испытал прилив энтузиазма.

– Ты права! Ты очень права, драгоценная! Твой евнух известит Салманасара, что мы ждем подмогу из Египта.

– А мы ждем оттуда подмогу?

– К сожалению, повелитель реки уклонился от ответа.

– Вот и хорошо. Пусть Сарсехим сообщит, что фараон собирает войско. Только нельзя настаивать, принуждать этого мошенника.

– Конечно, любимая. Он узнает об этом обок, а в послании, которое он должен будет тайно доставить твоему отцу, будет написано, что мы с благодарностью примем и его помощь.

– Теперь – что касается Шами, – откликнулась с ложа сводная сестра. – Нельзя позволить этой пронице утвердиться при дворе Салманасара. Ей следует немедленно указать на ее место. Было бы уместно подвергнуть мошенницу испытанию.

– Какому?

– Об этом мы еще поговорим.

* * *

В тот же день к вечеру над городом собрались грозные тучи, и на Дамаск благодатно опрокинулись небеса. Дождь лил до утра и щедро напоил землю. С рассветом город ожил. Жители выбегали на улицы, славили Бен-Хадада, затем толпами повалили к храму Баала, засыпали храм цветами. Радовались все, даже местные шлюхи – не храмовые, величественные и надменные, но самые что ни на есть обыкновенные, промышлявшие телом на кладбищах и городских рынках. Весь день они отдавались бесплатно и с нескрываемой охотой.

Храмовые же после полудня пошли в пляс. Время от времени то одна, то другая скидывала с себя одежды, распаяя толпу до предела. Ближе к вечеру жрецы организовали торжественный вынос статуй Баала и Ашерту, а в сумерках праздник переместился за крепостные стены в пригородные сады.

Утром в казармы примчался знакомый зритель с известием, что царь дал добро на отъезд вавилонской свиты. Писец с радостью поделился – тебе очень повезло, что ты оказался в Дамаске, щедрость государя неопишима. Затем пригласил – ты, Сарсехим, будешь самым почетным гостем, какого я встречал в своем доме.

Разобрали по домам и вавилонских воинов. Даже скифам во главе с Ардисом перепало угощений от ликующих горожан.

Зритель постарался – это Сарсехим отметил с первого взгляда. На столе стояли самые изысканные кушанья, и у голодного, заметно отошавшего от переживаний, евнуха слюнки потекли. Хозяин славил его как великого человека, доставившего в Дамаск «обильную плодами смокву», а уж они, воины Дамаска, смогут защитить ее от посягательств немилосердного Салманасара. Их союз, в который входят множество государств Нижнего Арама¹⁶, крепок как никогда. Нам окажут поддержку степные арабы, а также финикийские города. Если учесть, что властитель реки собирает войско, – здесь зритель доверительно подмигнул гостю, – Сарсехим может быть уверен, смоквочку не дадут в обиду!

Менее всего Сарсехима занимала помощь, которую правитель Египта обещал оказать Дамаску. Куда более тревожило – как безопасно миновать Ашшур и что он скажет злопамятной и всемогущей Амти-бабе? Стоит только поведать о том, что случилось с Гулой, ему не будет пощады. С другой стороны, нельзя умолчать и о скверном. Кто может поручиться, что тайные соглядатаи Закира уже не донесли в Вавилон правду?

Что есть правда? Как быть с правдой? Размышляя по этому поводу, Сарсехим ощущал, как у него начинал болеть пупок, ныть шея. Затем прихватило сердце.

Увы, говорил он себе, нелепо ждать от богов справедливости. Милосердие докучно, куда занимательнее прыжки, совершаемые смертными, и гримасы, которые они строят перед лицом всемогущей судьбы. Увы, увы, жизнь не разглядывает себя в зеркале. У жизни нет зеркала, заглянув в которое смертный мог бы посмеяться над страхом и ужасом, терзающими его душу, ведь страх не что иное, как дрожание души, а ужас – ее разрушение.

Почему боги насмеются над ним! То вызволят из беды, то вновь ввергнут в несчастье. Почему они так жестоки?

Им весело?!

Что же это за боги?!

Давным-давно рабби, у которого он малолеткой набирался мудрости, утверждал, что нет иных богов, кроме всемогущего Яхве, нет стихий – есть творение, нет судьбы – есть воля того, кто единсуц и непостижим.

Это воспоминание родило острую боль в сердце, которую он испытывал всякий раз, когда в памяти вставали родители, яма, в которой они прятались. Вспомнились два ассирийских солдата, которые вслед за родителями вытащили его из ямы. Один из них, оглядев голого мальчишку, весело крикнул другому:

– Гляди-ка, обрезанный!..

Другой, весь в крови, в металлическом шишаке и в кольчужной рубахе, бородатый, скептически осмотрел рыдающего мальчишку и скривился.

– Что-то их жрец поленился. Обрезать так обрезать! – с эти ми словами, прихватив в горсть все, что составляет гордость муж чины, он отсек это мальчику до основания.

Позже некий раб-хеттянин – опытный, видно, человек – успокоил Сарсехима.

– Тебе повезло, малыш. Ты столкнулся с добрыми ассирийцами. Среди них иногда такое зверье попадается... Моему внуку отрубили ноги и бросили возле дома.

¹⁶ Сирия в древности называлась Арам по имени племен арамеев. Различался Верхний Арам с княжествами и мелкими царствами по среднему течению Евфрата – ныне Северная Сирия – и Нижний Арам, куда входили Дамасское царство и расположенные вокруг него и далее к югу государства – Куэ, Хамат, Арвад, Израильское царство, Аммон.

Напившись травяного настоя с привкусом валерианы, или кошачьей травы, Сарсехим долго сидел в темноте и плакал, как осленок, отделенный от матушки-ослицы. Боги, великие боги, за что мне такие напасти? Почему бы вам не оказать мне милость, ведь куда ни гляну – всюду злое да злое. Много ли мне надо?.. – и шлеп, шлеп себя ладонями по щекам.

На следующий день его спешно вызвали во дворец. С сердечной болью, с ожиданием новых бед он отправился в цитадель. Весь недолгий путь пытался предугадать, зачем его позвали. Ах, если бы это была женская болезнь!.. В Вавилоне Сарсехим славился как лекарь по этой части. Мимолетно попытался вообразить, чем могла грозить молодой здоровой женщине недельная случка. Разве что натерла мозоль? Это случается в гаремах. Такого рода недуги лечат примочками.

У ворот цитадели Сарсехима встретил молоденький красавчик – один из многочисленных царских спальников – и без проволочек, мимо охранявших вход богатырского вида стражей, провел евнуха на царскую половину. Оказавшись в полутемном помещении, куда выходили массивные, обитые золотыми пластинами двери царской спальни, евнух поразился количеству сук и щенят, бродивших между колоннами. Пока ждал вызова, какой-то собачий молокосос, подкравшись, помочился ему на ногу.

Евнух замахнулся на сучонка, но, заметив укоризненный взгляд красавчика, ударить шустрого, с вислыми ушами негодяя не посмел. Слуга доверительно объяснил гостю, что животные доставлены в Дамаск по приказу царя и объявлены священными. Время от времени их загоняют в спальню, где уважаемая супруга принца играет с собачками, щекочет им брюшко, кормит из склянки. Слуга признался, что собачки – это не самая тягостная обуза. Вчера государь затребовал образцы самых лучших дамасских тканей, а сегодня приказал объявить среди местных ювелиров конкурс на самый лучший браслет для красивейшей из женщин. Все во дворце уже валяется с ног от усталости.

На вопрос Сарсехима, известна ли драгоценному, с какой целью великий царь соизволил пригласить его, драгоценный отрицательно покачал головой, затем отважился предупредить, что евнух – первый посторонний, который вступит в пределы царской опочивальни после священной ночи. Еду и напитки носит старший спальник, и не соблаговолит ли уважаемый Сарсехим приглядеться, чем он, младший спальник, мог бы угодить владыке и супруге наследника?

Деловой привкус предстоящей аудиенции придал евнуху уверенности, и он напомнил сопровождавшему:

– Это будет дорого стоить.

– За мной не пропадет! – обрадовался слуга, потом, будучи при исполнении, посуровел и коротко распорядился: – Жди!

Шагнув через порог, Сарсехим сразу рухнул на пол и для убедительности звучно стукнулся лбом о каменные плитки.

Царь некоторое время разглядывал распростертого на полу Сарсехима. Евнух терпеливо ждал – не ерзал, не пытался краем взгляда уловить, в каком настроении находится властитель.

– Встань!

Сарсехим осмелился поднять голову.

– Я же сказал – встань!

Сарсехим поднялся.

– Говори, раб!

– О чем? – осмелился спросить Сарсехим.

– Как ты предал своего господина.

– Кто?! Я?!

– Ты.

Сарсехим рухнул как подкошенный, зарыдал, принялся стучать лбом об пол.

– Они били меня! Они жгли меня огнем! Я молчал.

– Кто бил?

– Нинурта-тукульти-Ашшур, повелитель.

– Так это был племянник туртана, а не безродный разбойник?

– Это был именно Нинурта, господин. Это был он, жестокий и безжалостный негодяй!

Он хуже разбойника!..

– Отчего ты сразу не предупредил меня? Почему молчал?

– Я не смел мешать празднику, который ты, о всемогущий, испытал в своей душе.

Бен-Хадад не смог сдержать довольную улыбку. Гула, пилочкой подправлявшая ногти, невозмутимо подсказала:

– Это Сарсехим, государь. Я говорила о нем. Он всегда сумеет вывернуться. Он способен провернуть любое дельце. Ему, правда, нельзя доверять...

Сарсехим – оскорбленная невинность – с неистребимой печалью глянул в ее ясные глаза.

– Я и не собираюсь ему доверять, – заявил Бен-Хадад, – но если он еще раз посмеет промолчать о важном, он познакомится с моим палачом. Такого второго умельца по части прижигания пупка во всем свете не найти. Тебе когда-нибудь сверлили пупок раскаленной медью?

Тем же взглядом евнух одарил царя. Вслух он заявил:

– Царевна, пусть боги даруют ей удачу, права. Я хитер и пронырлив. Я готов провернуть любое дельце.

– Расскажи, как ты наткнулся на Нинурту?

Сарсехим поведал, как ассирийцы захватили царский поезд, как били его людей, как гнусно повела себя доверенная его попечению скифянка.

– Она посмела прилюдно скинуть с себя верхнее платье.

Бен-Хадад заинтересовался:

– Ну и?..

– Это случилось потом, ближе к вечеру, когда его подручные начали пытаться меня. Они ничего не добились, но Ардис, скиф, начальник конной стражи, подсказал, что мне доверили какое-то послание...

Рассерженная Гула перебила его:

– Про Ардису потом. Сначала скажи, кто надоумил Нинурту отправиться в Вавилон?

– Не знаю, госпожа, но догадываюсь. Только у скифянки достанет коварства смошенничать подобным образом.

– Другими словами, – перебила его женщина, – ты подтверждаешь, что с ее подачи меня сунули в паланкин?

– Как я могу знать об этом, госпожа?! Нам приказали ждать на берегу Евфрата.

– Трудно поверить, – ответила Гула, – чтобы ты остался в стороне от такой подлости, но я попробую. В благодарность ты должен выполнить мою просьбу. Одну, малюсенькую и вполне безобидную. На обратном пути ты завернешь в Ашшур.

Сарсехим схватился за голову.

– Сжался, о царственная! Стоит мне попасть в руки поганых ассирийцев!..

Бен-Хадад хмыкнул.

– Это хорошая идея!

– Мне отрубят голову, о всемогущий!

– Ты предпочитаешь, чтобы ее отрубили здесь и сейчас?

Ты – изменник, и твое предательство достойно куда более жестокого наказания.

Гула тем же ласковым голоском успокоила евнуха:

– Тебя не тронут, Сарсехим. Ты добровольно завернешь в Ашшур. Если тебя спросят, какое послание ты везешь в Вавилон, ты передашь им пергамент с благодарностью от царя

Дамаска. Тебе дадут еще одно письмо, его спрячут так, что никакой ассириец не найдет, ведь я полагаю, тебя уже ждут в Ассирии? Чтобы ты без помех добрался до Ашшура, тебя будут сопровождать верные люди.

– До границы? – поинтересовался евнух.

– По возможности до самого Ашшура. Ты скажешь, что они входят в состав охраны.

– У нас и так храбрая стража. Воины, конные скифы. Ардис не даст мне покоя. Будет требовать – скажи, кто эти люди?

– Объяснишь, что они везут мой подарок сестре в Ашшур.

– Им придется предъявить подарок.

– Разве не ты старший? Заставь их заткнуться!

– Их-то я могу заставить, а вот как заставить ассирийцев?

– Их не заинтересует подарок, который я приготовила сестричке.

– Они будут встречать караван? – заинтересовался Бен-Хадад. – Ты договорился с ними?

– Упасите боги, век бы их не видать! Но границу, торговый путь и прилегающую к

Евфрату степь они охраняют тщательно. От них не спрячешься.

– Сошлешься на Нинурту, он, мол, приказал беспрепятственно пропускать тебя и твоих людей.

– Их это не остановит. Они потребуют назвать тайное слово.

– На этот счет можешь не беспокоиться, – вступил в разговор царь, – тебе его сообщат. К тому же я щедро награжу тебя за то, что ты доставил невесту Ахире. Ты получишь шкатулку. Если ассирийцы потребуют, вскроешь ее.

– Но, господин, если эти разбойники потребуют открыть шкатулку, что же мне тогда останется от твоей щедрости?

Бен-Хадад засмеялся и кивнул:

– Верно.

Гула посоветовала:

– Ты пригрози им гневом Нинурты. Тебе нечего опасаться, Сарсехим. Приставленные к тебе молодцы сумеют защитить тебя. Они постараются проверить, правда ли Шами приходится воспитанницей великой богине? Ты слышал, наша Шами объявила, что яростная львица вскормила ее своим молоком. Я никак не могу припомнить, чтобы нашу Шаммурагат оставляли на ступенях храма на целых три дня.

– Я всегда считал ее немного не в себе, – ответил евнух.

– Не скажи. Она всегда отличалась тем, что была «себе на уме», а не «не в себе». Это большая разница. Тебе, должно быть, самому интересно узнать, с кем ты имел дело все эти годы? Сейчас самый момент проверить, чего в ней больше – божественности или коварства, лжи или злобы. Иштар, например, сумела с достоинством выдержать множество испытаний...

Гула резко замолчала, встала с постели, приблизилась к евнуху.

– Ты все понял?

– Да, царственная.

– На словах скажешь матери, что я не жалею о красотах Элама. Здесь, в Сирии, я нашла счастье.

– Обязательно, драгоценная. Я уже сочинил поэму, воспевающую милость богов, их радость от лицезрения такого прочного союза, который связал тебя и принца Ахиру.

– Не смей дерзить. Впрочем, именно так и скажи мамочке.

Уже у самых дверей Сарсехима, с трудом поверившего, что все вроде обошлось, окликнули.

– Постой, – позвала Гула. – Подойди.

Когда евнух приблизился, она вручила ему толстенького, теплого щенка.

– Это мальчик, унеси его. Пусть мне доставят девочку.

Сарсехим с поклоном принял животное, прижал его к сердцу, направился к порогу. У самых дверей почувствовал, как что-то теплое разлилось под одеждой. В прихожей он торопливо сунул сучонка слуге. Направляясь к выходу, подсказал красавчику:

– Принеси ей сучку. С тебя два сикля¹⁷ серебра.

¹⁷ Сикль – 8,4 грамма.

Глава 4

Можно сколько угодно бить себя по щекам – что изменится? Казалось, добился своего – возвращаешься в Вавилон, но как будешь чувствовать себя спокойно, если приставленные к каравану сирийцы глаз с него не спускают, а старый Ардис смотрит волком, не в силах понять, зачем их сопровождают пять десятков воинов, конных и на верблюдах.

То, что в эту почетную стражу были включены соглядатаи, ни у Сарсехима, ни у Ардуса сомнений не вызывало. Старому скифу хватило ума не выказывать на чужой территории враждебности, тем более что сирийцы вели себя терпимо, выбору дорог не препятствовали, разве что за каждым вавилонянином или степняком, стоило тому удалиться от каравана, обязательно следовали два-три воина. Партатуи-Бурю, попытавшегося затеять ссору с по-следовавшими за ним чересчур любознательными сирийцами, Ардис тут же приструнил.

Скоро всех помирила жара. Нарождавшийся с восходом солнца, к полудню зной крепчал, начинал нестерпимо сушить рот, заставлял смыкать глаза, обливаться потом. Только к вечеру, когда солнце скрывалось за горизонтом, люди начинали оживать, переговариваться.

Первые дни пути Сарсехим, наплевав на всех и на вся, отдал караван на откуп Ардису. Сам ехал в повозке, где безудержно пользовался запасами вина, которые он изрядно пополнил в Дамаске. Время от времени впадал в сон, просыпаясь, разглядывал подарки, которые Гула посылала матери, – отыскивал в них тайные знаки. Так же пристально изучал резной ларец, в котором хранился царский пергамент с выражением благодарности Мардуку-Закирушуми за «лучшую царевну на свете». Много раз он разглядывал пергамент с лицевой и обратной стороны. Ощупывал подаренный царем пояс – удивлялся искусству дамасских мастеров. Ясно, в него что-то вшили, а что, не нащупаешь. Впрочем, щупай не щупай, ассирийцы найдут. Изредка на ум приходили слова Гулы, пожелавшей одарить сестренку неким подарком. Здесь мысли спотыкались – как ни пытался сообразить, что это за подарок, ничего путного в голову не приходило. Этот спотыкач касался и тех, кому было поручено передать подарок. Ну и хорошо, ему меньше хлопот. Опыт подсказывал – от этих дурых следует держаться подальше. Стоило им сцепиться в гареме, всем доставалось. Все-таки интересно, на что именно расщедрилась Гула, чтобы досадить сестричке.

Вспоминалась смешная история, которая вышла с поясом. Бен-Хадад долго мучился, пытаясь отыскать место, куда можно было бы упрятать послание с откровенным приглашением принять участие в укрощении «хищного зверя». Присутствовавшая при разговоре Гула посоветовала обратить внимание на интимное место на теле Сарсехима, скрытое от чужих глаз. Услышав такое, евнух даже вздрогнул – тому ли он учил Гулу?

Идея заинтересовала Бен-Хадада, однако он испытал сомнения – имея в заднице тайное послание, сможет ли евнух ходить?

Гула рассмеялась и объяснила, что имела в виду совсем другое. Пусть царь прикажет написать отцу на тончайшей ткани, доставляемой из Китая. Она добавит к письму несколько слов для матери, чтобы подтвердить его подлинность. Пусть царь прикажет тщательно упрятать письмо в нательный пояс, а пояс подарить евнуху.

Сарсехим громко восхвалил человеколюбие царевны. Он поклялся приложить все усилия, чтобы доставить драгоценное письмо царственному адресату.

Бен-Хадад хмыкнул и перебил его:

– Ты не слишком усердствуй в выражение и покорности.

Я тебя, убудка, насквозь вижу и надеюсь исключительно на твою сообразительность. Закир будет извещен о послании, и если ты не представишь его в целости и сохранности, тебе отрубят голову.

Сарсехим в сердцах воскликнул:

– Мне уже столько раз грозили отрубить голову, что я уже потерял надежду ее спасти.
– Даже если и так, все-таки лучше потерять ее на день позже, чем на день раньше, – посоветовал Бен-Хадад.

– Ты, о великодушный, как всегда, прав, – поклонился евнух, – однако какую награду я буду иметь, если выполню поручение?

– Теряя голову, ты хочешь получить награду?

Евнух поправил царя:

– Рискую головой, я хочу обрести смелость и желание жить.

– Что ты предпочитаешь? – спросил царь. – Золото? Драгоценности?

– Изумруд. Самый большой – в диадеме царевны. В нем с тыльной стороны есть маленькая щербинка. А в корону пусть вставят похожий. Чтобы один к одному.

– Странный выбор, – удивился царь. – Если тебя начнут обыскивать, камень найдут.

– Я спрячу так, что никто не найдет, а в Вавилоне этот изумруд будет моей страховкой. Я знаю мать царевны, добродетельную из добродетельных Амти-бабу. Ей известно об изъяне, она поверит мне. Ее дочь не имеет привычки разбрасываться драгоценностями.

Теперь кожаный мешочек с крупным, чистой воды самоцветом болтался у евнуха между ног, направляя мысли на то, что есть самое ценное в жизни?

Этот безответный вопрос вызывал тоску и томление, от кровосмесительной связи которых рождалось вдохновение. Обливаясь потом, вскружив голову вином, Сарсехим мечтал о том моменте, когда он предстанет перед хитрейшей из хитрейших Амти-бабой, трусливейшим из трусливейших Мардук-Закиромшуми и расскажет им о самом прекрасном из всех прекрасных, тончайшем в речах, находчивом в ответах и сметливым во всех делах царевиче Ахире. О том, как принц, удрученный временной немощью в любовных делах, не потерял присутствия духа и, обуянный любовью к отчизне, сам предложил благородному отцу семейства, царственному Бен-Хададу исполнить за него долг благодетеля и мужа и произвести на свет наследника трона. От предвкушения мести у Сарсехима слезы наворачивались на глаза. С каким наслаждением он опишет радость и ликование, охватившие жителей славного Дамаска, узревших редкостный в тех местах ливень, посланный горожанам в награду за щедрость души их правителей!

Насытившись мечтами, Сарсехим трезво оценивал эффект, который произведет его рассказ. Закиру понравится. Он любит, когда других водят за нос, только чтобы было благородно, со всякой мудростью, с обязательным чинопочитанием, а вот как быть с Амти-бабой? Эту старуху так просто не проймешь.

Но до того, как он окажется в Вавилоне, ему придется побывать в Ашшуре. Эта неизбежность отзывалась великой заботой и мучительным страданием. Там его вмиг обыщут, начнут грозить, заставят повторить слово в слово все, что он слышал у Бен-Хадада. Доберутся до пояса, вскроют его ножичком – у ассирийцев самые острые ножички в мире. Они выковывают их из тусклого металла, называемого железом. Никто, кроме ассирийских кузнецов, не овладел умением выделывать из этого металла оружие, которому были нипочем ни бронзовые мечи, ни обшитые кожей щиты, ни нагрудные латы.

Упоминание о железе родило кошмарное видение. Евнух узрел низкий, с овальными сводами подвал, в котором орудует палач. Ему до жути четко представился раскаленный железный прут, каким палач проткнет его пупок.

Мысль, обжегшись на ужасе, родила иной, более подходящий сюжет. В Ашшуре он поведал о мрачном подземелье, куда судьба ввергла несчастную Гулу. Публично охаивать сестру было рискованно. В стане разбойников следует бить на их злорадство и сострадательность Шаммурамат. Скифянка отличалась редкой чувствительностью, особенно к животным.

Вдохновение побороло страх. Он так начнет – жили-были на свете два чудовища. Старшее звали Бен-Хададом, меньшее – Ахирой. Одно было с гору, другое с холм...

– Послушай, евнух, – раздался за пологом голос Ардиса.

Сарсехим недовольно скривился, потом нехотя ответил из повозки:

– Что надо?

– Сирийцы уходят, – сообщил Ардис.

Евнух тут же выглянул из повозки. На его лице очертилось искреннее и радостное удивление.

– Да ну! Что, уже граница?

– Границу мы еще утром пересекли, а сейчас полдень. Пятеро остались, нарядились по нашему и пристроились сзади. Зачем?

– Откуда мне знать.

– Так отошли их.

– Это не в моей власти.

– А в чьей же?

– Откуда мне знать?

– Что ты заладил – откуда да откуда! Ассирийцы нам головы поотрывают, если мы притащим в Ашшур вражеских лазутчиков. Забыл, о чем Нинурта предупреждал?

– Нинурта мне не указ.

– Кто же тебе указ?

– Мой повелитель – царственный Мардук-Закир-шуми.

– Царь далеко, а Нинурта близко. Если из-за твоей нерасторопности всем нам придется худо, пощады не жди.

Делать было нечего. Евнух, проклиная все на свете, вылез из колесницы, взгромоздился на кобылу и направился к группе сирийцев.

– Честь вам и хвала, храбрые воины! – начал он.

Пятеро бандитского вида чужаков, приодевшиеся под бедуинов, молча, нагло усмехаясь, наблюдали за ним. Это лишило евнуха уверенности.

– Можете поворачивать домой. Вы исполнили свой долг, мы благодарны вам за гостеприимство и охрану.

– Послушай, евнух, – запросто обратился к нему один из них. – Не ты нас нанимал, не тебе расплачиваться. Мы уйдем тогда, когда будет нужно.

– Ассирийцы близко, – предупредил евнух.

– Тебе за то и заплачено, чтобы ты провел нас через пограничные посты. Как только мы переправимся через Евфрат, мы повернем назад. Держись уговора, и тебе не о чем будет волноваться.

Сарсехим попытался усиленно вспомнить, о каком уговоре идет речь, однако страх отбил охоту углубляться в подробности. Он поспешил к Ардису, передал слова сирийца.

Ардис глухо и невнятно выругался.

– Смотри, как бы поздно не было. Может, их здесь перебить? Ты спросил, зачем они переоделись?

– Ардис, кто здесь старший?! Они скоро покинут нас. Как только переправимся через Евфрат.

– Сарсехим, ты всегда был изворотлив, но сейчас ты заигрался. Мне не нравятся эти люди, а еще больше не нравится, что они следуют вместе с нами. Что у них на уме?

– Откуда мне знать?! – повысил голос Сарсехим. – Не зарывайся, Ардис.

– Ты не можешь не знать, зачем они следуют вместе с караваном.

– Клянусь богами, мне о том неизвестно.

– Хорошо, подождем до Евфрата. Скажи, чем знамениты молодцы Урука?

– Не знаю, что ты имеешь в виду. Урук – город, молодцы – его жители. Что еще?

– Пока ничего.

– Хвала богам, ты успокоился.

– Я не успокоился, а затаился. А ты подумай над моими словами.

– Ты мудр, старик, и я не прочь, если твои люди будут приглядывать за сирийцами. Уж больно похабные у них рожи.

На переправе через Евфрат Сарсехим шепнул ассирийскому патрулю заветное слово, при этом, на чем настаивал Ардис, евнух даже не заикнулся, что с караваном следуют чужаки. На другом берегу Ардис вновь напомнил – пора, мол, распрощаться с непрошеными попутчиками. Те попросили разрешения провести ночь на этом берегу и поклялись, что с рассветом повернут назад.

Был вечер, садилось солнце, скоро жара сменится приятной прохладой. В увядшей степи задувает ветерок. Хотелось кушать. Сарсехим разрешил сирийцам переночевать поблизости.

Партатуи-Буря принялся настаивать – он с товарищами вмиг избавится от незваных гостей. Ардис сплунул и не стал спорить с евнухом – до утра так до утра. На чужой территории драка ни к чему.

Ночь прошла на удивление спокойно, но с восходом в лагере раздались громкие крики, ржание лошадей. Буря засунул голову в повозку и разбудил евнуха.

– Что, доигрался?

Перепуганный Сарсехим сразу выбрался наружу.

Старик был озабочен.

– Чужаки ушли. Наш человек, который следил за ними, про пал. Сейчас ищем.

Разведчика отыскиали не сразу. Его нашли в яме, засыпанного ворохом травы. Он был весь в крови, стонал. Успел выговорить:

– Их ждут в Ашшуре. Они хвалились, что ни в чем не уступят молодцам из Урука.

В следующий миг дыхание оставило его.

Ардис и Буря приступили к побледневшему Сарсехиму – куда ушли незваные попутчики, почему он перетащил их на левый берег Евфрата. Однако тот отказался отвечать. Евнух залез в повозку и принялся бить себя по щекам, надеясь, что дикие скифы отстанут от него.

Не тут-то было.

Откинувшие полог и некоторое время с удивлением разглядывающие, какого рода наказания с таким усердием подвергал себя евнух, Ардис и Буря неожиданно подхватили Сарсехима под мышки и выволокли из колесницы.

Ардис спросил:

– Зачем они отправились в Ашшур?

– Откуда мне...

Он не договорил. Буря замахнулся, и Сарсехим метнулся за спину Ардиса. Молодой скиф за шиворот вытащил евнуха, поставил его на колени и не спеша наполовину выдвинул меч-акинак из ножен.

– Или ты, негодяй, признаешься, или лишишься головы.

Сарсехиму еще хватило дерзости пригрозить варвару страшными пытками, которым его подвергнут в Ашшуре и Вавилоне. Он воззвал к старику, напомнил ему о внучке, которую Сарсехим излечил от простуды, после чего зарыдал, повалился на бок и закричал:

– Боги, милые боги! Вы видите, что здесь творится? – затем, страдая, принялся кататься по земле.

Ардис и Буря – этот успел вытащить меч – некоторое время молча слушали его вопли, потом Ардис наклонился и потрепал страдальца по плечу.

– Сарсехим, послушай. Хватит, а?..

Сарсехим с неизбывной печалью глянул ему в глаза.

– Ты видишь, что творится? Ты должен спасти меня.

Ардис с той же невозмутимостью объяснил:

– Твои вопли – это затяжка времени. Ты уступаешь злу, и я не могу поклясться, что на этот раз ты поступаешь вынужденно. Если произойдет что-то страшное, ни я, ни Буря молчать не будем. Никто из вавилонян молчать не будет. Мы подтвердим, что ты тянул время, значит, был в сговоре с негодьями.

– Ардис! – воскликнул евнух. – И ты поверил?!

– Глядя, как ты воешь, я не побоюсь заявить, что ты что-то скрываешь. Я хочу спасти наши головы, ибо, случись что в Ашшуре, с нас тотчас сдерут кожу. Тем более в преддверии войны. Это, надеюсь, ты понимаешь?

Сарсехим, как ни в чем не бывало, поднялся на ноги, отряхнул пыль с колен, ударил себя в грудь кулаками.

– Я в самом деле ничего не знаю.

– Возможно, но сейчас наши жизни в твоих руках. Ты должен доказать, что не имеешь отношения к негодьям или их покровителям. Если будешь вилять, мы свяжем тебя и доставим в Ашшур.

– Я не тянул время!..

– Это ты скажешь Нинурте.

Буря вскинул меч, наскочил на евнуха.

– Ты за все заплатишься, мерзкая тварь!..

Сарсехим тут же спрятался за спину старика, закричал:

– Убери от меня этого вшивого!..

Буря снова наскочил на евнуха.

– Чем прославились молодцы из Урука? Говори, а не то!..

Евнух вспылал.

– Какое мне дело до какого-то Урука, пусть даже этот город и славится как прибежище Иштар...

Он внезапно замолчал, рот у него открылся, глаза полезли из орбит. Затем его отчетливо бросило в бледность.

– Говори, – приказал Ардис.

– Я боюсь поверить... Боюсь ошибиться. Но если это и есть ее подарок, тогда всем нам крышка...

Он завопил от ужаса, да так, что не только Ардис и Буря, но и стоявшие поблизости воины вздрогнули.

– Говори!!! – в тон ему закричал Буря.

Евнух залепетал, попытался ухватиться за Ардису, за его накидку, но не смог – пальцы у него дрожали.

– Я ошибся, Ардис. Ты тоже ошибся. Одной головой здесь не отделаешься. Нас заставят до скончания наших дней жалеть о том, что мы появились на свет.

– Выкладывай, – приказал Буря.

– Нет, – решительно отказался Сарсехим. – Я скажу только Ардису.

– И мне! – потребовал Буря.

Евнух с мольбой глянул на старого скифа.

– Огради меня от этого бесноватого!

– Тебе не избавиться от меня, негодяй! – закричал Буря.

На этот раз Сарсехим обрел неожиданную храбрость и наскочил на молодого скифа, пихнул его животом.

– Тебе не избежать гибели, негодяй. Трижды по тридцать раз негодяй! Тебе не избежать расплаты, ты сгинешь от руки Нинурты. Как ты посмел пилиться на царевну?! Что ты вообразил, сын собаки? Ты что, туртан? Ты царского рода? О наша небесная, голубиной чистоты

Шами, как пугали ее твои грязные взгляды! Сколько раз она пыталась усмирить твой подлый нрав...

Буря рукояткой меча ударил евнуха по голове. Тот неожиданно обрадовался и завопил, обращаясь ко всем, кто толпился поблизости.

– Видали?! Все видали?! Он поднял руку на старшего евнуха.

Буря еще раз замахнулся. Ардис, единственный, кто не потерял присутствия духа, оттолкнул Бурю, обернулся к Сарсехиму.

– Вы оба мне надоели. Я прикажу привязать вас лицом к лицу, чтобы вы могли вволю лаяться, пока вас доставят в Ашшур.

Евнух сразу успокоился, кивком указал на столпившихся поодаль воинов.

– Тогда отгони их.

Когда они втроем укрылись за повозкой, Сарсехим объяснил:

– Есть древняя поэма...

– Какое нам дело до поэм! – возмутился Буря.

– Убери этого припадочного. Я думаю.

– Уймись, Буря. Ну?..

Молодой скиф выругался и с намеком, не спеша, вложил меч в ножны. Сарсехим, словно замороженный, наблюдал, как узкое, чуть загнутое к острию лезвие погружается в тесные кожаные ножны, при этом Буря, заметив взгляд Сарсехима, нарочно, с намеком, несколько раз поводил клинком вперед-назад. Как только перекрестье звякнуло о бронзовое кольцо, скреплявшее ножны у влагалища, Сарсехим откашлялся.

– Не в силах поверить, чтобы сестра посмела так поступить с сестрой? Но если кто-то напустил на Шаммурамат эту свору, это может быть только она.

– Кто она? – спросил Ардис.

– Гула. Еще в Вавилоне она предсказывала ей такую участь... когда та отрезала ей косу.

Он ткнул пальцем в Бурю и заговорил страстно, взхлеб:

– Вы – варвары. Вы слышали об Уруке, но вам наплевать, что Урук – это священный город Иштар. В ее власти любовь и вой на. Богиня шествует на двух львицах, у нее в руках лук и стрелы. Ради спасения своего мужа Таммузи она не побоялась спуститься в подземный мир – царство Эрешкигаль, – где мертвые, присев на корточках, страдают, вспоминая о мире живых¹⁸. Она одолела чудовище величиной с гору. Иштар добыла для Урука первосвященство, она привезла в город таблички судьбы. Там есть запись о каждом из нас. Твоя судьба, Буря, тоже запечатлена на этих таблицах. Будь уверен, ты плохо кончишь. Урук – город Иштар, там она утешила местных молодцов. Там сочинили «Похвалу Иштар».

Он сделал паузу и принялся напевно, на манер жрецов, декламировать:

Дева Иштар молодцам явилась.

Утехой держится город!

Один молодец к ней подходит, молвит:

¹⁸ Иштар, дочь Сина, спускается в нижний мир и требует, чтобы привратник открыл ей ворота. В противном случае она грозится взломать дверь и поднять мертвых. Сторож просит гостью подождать и бежит докладывать царице Эрешкигаль, что пришла ее сестра. Эрешкигаль впадает в ярость, но затем велит впустить Иштар и поступить с ней согласно древним законам. Страж проводит богиню через семь врат подземного мира и в каждом воротах снимает с нее какое-нибудь украшение (амулеты, имеющие магическую силу). Когда нагая и безоружная Иштар предстала перед сестрой, та приказала Намтару закрыть ее во дворце и наслать на богиню 60 болезней. Между тем на земле с уходом Иштар жизнь замерла, все живое перестало размножаться. Посол богов Пасуккаль сообщает об этом Эйе. Премудрый бог создает евнуха Аснамира и отправляет его с посланием в царство мертвых. Эрешкигаль разъярилась, увидев Аснамира, но отказать ему почему-то не смогла. Она приказывает Намтару оживить сестру с помощью живой воды и напоминает, что по законам нижнего мира при выходе из преисподней Иштар обязана предоставить себе замену. Иштар проходит через семь ворот, где ей возвращают отобранные ранее вещи. Конец мифа не совсем ясен. Скорее всего, по аналогии с шумерским сказанием заменой Иштар в стране без возврата становится ее возлюбленный Таммуз (на шумерском языке – Думузи).

«Приди ко мне, уважь мою просьбу».
Утехою держится город!
Другой к ней подходит, молвит:
«Приди, чтоб за лоно твое я взялся!»
Утехою держится город!

«Что ж, я вас уважить готова —
Утехою держится город!
В вашем городе молодцов соберите,
В тень стены отойдем мы все вместе.
Утехою держится город!»

Семеро – у ее груди, семеро – у ее бедер.
Шестьдесят и еще шестьдесят наготой ее себя тешат.
Молодцы приустиали, ну а Иштар вовек не устанет!
«Восходи, молодцы, на прекрасное лоно!»
И что этими словами дева велела —
Молодцы услышали – и уважили просьбу!
Утехою держится город!

Наступила тишина. Первым ее нарушил Сарсехим.

– Гула упоминала о подарке. Она так выразилась: «Они проверят, правда ли Шаммурамат питалась молоком богини?» Она утверждала, что ее подарок нельзя пощупать, нельзя отвергнуть.

Ардис насупился.

– Ты полагаешь?..

– Да. Чем еще она может отомстить скифянке... Я хотел сказать, Шаммурамат.

В этот момент Буря взорвался.

– Их всего пятеро. Как они доберутся до Шами?

Сарсехим усмехнулся.

– Эх, приятель, если негодьям щедро заплатить, они найдут способ. А для молодой женщины хватит и пяти негодяев, чтобы замучить ее до смерти, особенно если среди них есть «осел». По верь, я знаю, что говорю. Это священный обряд. Им пользуются, когда Баал гневается или скучает.

Ардис трезво рассудил:

– Они опередили нас на полдня. Много, если считать, что у них прекрасные скакуны.

– У меня не хуже, – буркнул Буря. – Я догоню их.

– Не смей! – завопил евнух и потряс кулаками над головой. – Стоит тебе попасться в руки ассирийцам, и уже ничего нельзя будет исправить.

– А сейчас можно? – усмехнулся Ардис.

– Сейчас можно промолчать. Если что-то и случится, мы здесь ни при чем.

– А если в Ашшуре докопаются?..

– Мы уже будем в Вавилоне.

– А если они потребуют у Закира выдать нас?

– Закир откажется.

– Ты хитер, Сарсехим, но и я не дурак. Ты рассчитываешь – тебя, мол, царь не выдаст, ты успеешь подлизаться, все свалишь на меня. Только учти, никто из нас, угодив в лапы ассирийцев, молчать не будет.

– Что ж теперь делать? – воскликнул Сарсехим.

– Я помчусь в Ашшур! – заявил Буря. – Помчусь как ветер, помчусь быстрее птицы. Я успею. Я должен успеть.

– Глупости! – оборвал его Ардис. – Кто в стране разбойников прислушается к скифу?

– Я отыщу Нинурту.

– Кто допустит тебя до начальника ассирийской конницы.

– Я все равно помчусь!..

С этими словами Партатуи-Буря бросился к своему скакуну, вскочил на него и поскакал на юг.

Ардис и Сарсехим бросились за ним.

– Стой! Стой!

Евнух упал на колени, принялся с ожесточением бить себя по лбу.

– Он погубит нас всех! Он выдаст нас всех! Его затопчут конями. Ему рот не позволят открыть.

– А если он спасет всех нас? – спросил Ардис.

Евнух тут же поднялся, принялся отряхивать колени.

– Если спасет, – деловито отозвался он, – получит награду.

Глава 5

Бурю схватили в воротах Ашшура. Здесь его догнали конные ассирийцы с выставленной в степи заставы, они гнались за ним еще с полудня. Стражи на воротах, заметив усталого донельзя, страшно возбужденного скифа, едва не подняли его на копья, заставили спешиться. Тут и подоспела погоня.

Пленника поволокли во дворец, бросили к ногам Иблу. Наместник, сидя на возвышении, к которому вели широкие ступени, некоторое время разглядывал варвара. Приметил, что тот хотя и скиф, но эмблему на высоком колпаке имеет вавилонскую¹⁹.

– Язык знаешь? – обратился он к Буре.

Тот что-то буркнул в ответ.

– Поставьте его на ноги, – приказал наместник.

Стражники исполнили приказание. Буря попытался освободиться, однако воины еще крепче сжали его.

– Господин, я – посланец от Ардиса, начальника конной стражи каравана, который отправился в Дамаск.

– Да ну! – восхитился Иблу. – А кто такой Ардис?

– Господин! – с отчаянием воскликнул Буря. – Позволь мне поговорить с твоим племянником?

– Почему не со мной? – удивился Иблу.

– Потому что ты не знаешь Ардиса.

– Это что-нибудь меняет?

– Меняет, господин. Где твой племянник, господин?

– На охоте.

– Где его супруга Шаммурагат?

– Тоже на охоте.

Буря внезапно и звучно зарыдал, вновь попытался вырваться.

Стражи еще сильнее сжали пленника. Тот ослаб, обвис на руках. Воины перевели дух, и в следующий момент Буря изловчился и ударил одного из стражей ногой в пах. Тот вскрикнул, выпустил руку. Буря тут же освободившейся рукой ударил кулаком другого. Ему удалось вырваться. Он бросился к Иблу. Наместник побледнел, вскочил, взялся за рукоятку ножа, однако скиф упал ему в ноги, взмолился:

– Господин, если тебе дорога честь семьи... Если тебе дорого счастье Нинурты... Если тебе пришлось по сердцу Шаммурагат, срочно направь воинов, чтобы те окружили ее и никого не подпускали...

В этот момент его ударили рукояткой меча по голове, и Буря потерял сознание.

Иблу презрительно глянул на стражей.

– Плохо держите. Скажете Ушезубу, что я недоволен. Этого привести в чувство. И побыстрей!

Бурю окатили водой из кожаного бурдюка. Тот встрепенулся, встряхнул головой. Иблу подсел к нему поближе, приказал:

– Говори.

– Нельзя, господин. Чужие уши.

– Ты больше не будешь бросаться на меня?

¹⁹ Символом Вавилона является дракон Мардука – мушхуш. Дракон был покрыт золотисто-красной чешуей, передние лапы львиные, задние – птичьи, вместо хвоста змеи. Голова узкая, вытянутая, напоминающая морду охотничьей собаки, украшена рогами, язык раздвоен.

- Нет, наместник. Ты – моя единственная надежда.
 - Хитро и непонятно. Все прочь.
 - Господин, – бросился к нему появившийся Ушезуб. – Я знаю этого человека. Он буен и своенравен.
 - Он точно из вавилонского каравана?
 - Да, но...
 - Все прочь! – повысил голос старик.
- Воинов, сбежавшихся защищать господина, как ветром сдуло.
- Говори! – приказал он Буре.

* * *

Нет более захватывающего развлечения, чем облава на диких ослов. В иных местах их называют онаграми, кое-где куланами, но, как ни назови своевольное животное, взять его, особенно в степи, – трудное дело.

Здесь нужна сметка.

Следопыты, с утра следившие за стадом, обнаружили себя, когда онагры двинулись к реке на водопой. Многочисленно-плотной, изогнутой цепью всадники отсекали животных от реки и постарались поворотить их в сторону обрывистых террасных откосов, где прятались засады.

В неприступных обрывах кое-где были заметны ложбины, проточенные водами, стекавшими с раскинувшегося повыше террас просторного, обильного разнотравьем плато. В одной из таких промоин притаились Нинурта, Шами и Набу-Эпир, выразивший желание поучаствовать в таком захватывающем мероприятии, как гон диких ослов.

Охотники притаились в зарослях колючника, откуда, повыше переплетения ветвей, им открывался вид на широкую пойму, усеянную косяками диких ослов.

Сердце молодой женщины, наблюдавшей за маневрами конных загонщиков, колотилось с такой силой, что заглушало тысяченогий топот копыт. Справятся ли загонщики? Куда свернут онагры? Где будут искать спасения? Помчатся ли в их сторону или попытаются прорваться на равнину по другой ложбине? Если животные прорвут оцепление и вырвутся на свободу, добыть их будет трудно, считай, невозможно, ведь всем известно, что по резвости онагр значительно превосходит обездвиженную лошадь. Брать животных можно, только когда они начнут тесниться в узости, – тогда их можно легко бить стрелами.

Онагры, словно предчувствуя опасность, грозившую им со стороны террасных откосов, начали бросаться в разные стороны, пытаясь найти брешь в тесных рядах ассирийских всадников. Старые опытные самки, возглавлявшие косяки, вели своих молодых соплеменников прямо на воинов. Избежав стрел, животные решительно наскakивали на коней – те со страху вставали на дыбы, всадники с криками валились на землю. В общей сумятице дикие ослы пошевеливались куда проворнее, чем кони и люди. Храбрые и сообразительные животные пытались вцепиться в горло лошади, а если повезет, и крепко лягнуть ее задними копытами в живот. То там, то здесь отдельные онагры, а кое-где и целые косяки, прорывались на волю. Их гордое ослиное «иаканье» торжествующе покатилося по речной долине, прибавляя храбрости тем, кто еще находился в осаде.

Правда, конники из многотысячного отряда Нинурты тоже были не промах. Старшие военачальники быстро сумели восстановить порядок. Конные кисиры сомкнули ряды и решительно погнали оставшихся животных в сторону откосов. Старались так завернуть спасавшихся бегством животных, чтобы как можно больше онагров скопилось у той узости, где притаился их военачальник с молодой женой, а также мудрец, недавно прибывший из Вавилона учить местных жрецов уму-разуму.

О Набу-Эпире говорили разное. Кое-кто утверждал, что, прощаясь с ним, вавилонский царь Мардук-Закир-шуми рыдал, ведь этот уману считался в Вавилоне лучшим знатоком ночного неба, наиболее опытным из всех составителей таблиц, предрекавших судьбу гражданам и стране. Понятно, что лишиться такого предсказателя было горем для великого города.

В стране Ашшура Набу-Эпира ждали с нетерпением – впереди война, и вступать в нее без ясного и тщательно выверенного оракула было безумием. Ассирийцы не любили выходцев из Вавилона, но вынуждены были прислушиваться к их советам, их наставлениям, учиться грамоте по их табличкам. Что касается Набу-Эпира, все полагали, явится какой-нибудь напыщенный старец с козлиной бородой и примется указывать – это не так и это не так. Оказалось, Набу-Эпир был вполне сносным мужчиной средних лет. Первую неделю уману разгуливал по Ашшуру, посещал храмы, навещался на рынки, заговаривал с торговцами. Он умел поговору определить, кто откуда родом. Ладно бы узнавал тех, кто приехал из Вавилонии или прибрежных стран, но и природных ассирийцев он безошибочно приписывал к той или иной общине, к той или иной местности. Такое всеведение попахивало колдовством, попыткой овладеть чужой шимту, а за такие дела в Ашшуре можно было и на кол угодить, так что сначала от приезжего умника старались держаться подальше. Однако когда он излечил дочь одной из бедных торговых и не взял за это деньги, люди начали более доброжелательно отзываться на его вопросы.

В городе удивлялись любопытству вавилонянина. Все ему надо было знать – как называются те или иные ворота, почему на главной улице неравное число священных каменных быков с человеческими лицами, кто вытесал их из камня и когда? Этими вопросами – особенно «когда?» – он нередко ставил горожан в тупик. Никому в Ашшуре в голову не приходило задуматься, когда случилось то или это событие, возведен тот или иной храм. Народный ответ был ясен – они стояли всегда! Когда же Набу-Эпир упросил Нинурту-тукульти-Ашшура взять его с собой и супругой на охоту, в конных кисирах с примесью неодобрения начали поговаривать – понятно, откуда у скифянки столько дерзости. С таким сумбуром, какой царил в голове ее вавилонского учителя, не то что, усаживаясь на лошадь, ноги раздвинешь, но и молочной дочерью Иштар не побоишься себя объявить. Отношение к чужачке в Ашшуре до сих пор было настороженным. Местные женщины упрекали ее за нелепые капризы – нет, чтобы со всем прославленным в мире вавилонским искусством ублажать мужчину, заниматься хозяйством, растить детей, она, насытив утробу семенем мужа, забрюхатев, взяла в руки лук и помчалась на охоту.

Тем временем дикие ослы, прижимаемые к откосам многочисленной конной массой, начали скучиваться у обрывистых склонов. Самые нетерпеливые из стоявших в засаде знатных охотников начали обстреливать онагров из луков. После первых же попаданий косяки отхлынули, затем с нарастающим напором бросились штурмовать проходы на плато. Самое многочисленное стадо устремилось к той промоине, где притаились Нинурта, Шами и Набу-Эпир. Перед устьем завертелся бешеный водоворот из диких животных и лошадей. Посыпавшиеся с коней люди, спасаясь от обезумевших онагров, начали взбираться на откосы. Кто не успевал, тут же был растоптан. Наконец всадники усилили напор, и еще через мгновение косяки помчались вверх. Животные с места развили такую скорость, что буквально пулями влетали в ложбину и, не снижая скорости, устремились на плато.

Шами закричала и первой, ударив пятками Рыжего, бросилась в погоню. За ней помчался Нинурта, следом его телохранители, другие военачальники, старавшиеся держаться поближе к племяннику тургана, и последним Набу-Эпир.

Женщина, в ответ на победное иаканье ослов, не смогла сдержать вопль – порыв преследуемых животных, сумевших вырваться на свободу, поднял в душе необоримый, не знакомый ранее восторг и жажду крови. Она бросила Рыжего во весь опор.

На плато начался стремительный гон, в котором каждый сражался сам за себя.

Опытные охотники утверждали – если онаграм не дать напиться, они вскоре выбьются из сил. Молодые ослы начали сдавать первыми, за ними замедлили бег и более крупные самцы. Нинурта увлекся преследованием крупного и поджарого осла. Попасть в него со спины Верного не было никакой возможности – тот ловко менял направление, то в одну сторону скакнет, то в другую. Наконец, отделившись от косяка, самец помчался к верхней кромке откосов, а старшая самка, за которой гналась Шами, неожиданно резко свернула в сторону буковой роши. Шами и Нинурта разделились, каждый азартно преследовал свою добычу. Тот осел, за которым гнался начальник конницы – мускулистый, крепкий, с темной полосой на спине, – казалось, совсем выбился из сил и теперь спасался редкими скачками. Когда же Нинурта почти вплотную приблизился к нему и принялся оттягивать тетиву, осел вдруг неожиданно бросился на Верного. Жеребец едва успел отскочить в сторону. Онагр еще более злобно налетел на коня, успел укусить за шею. Нинурта никак не мог выбрать момент, чтобы пустить стрелу. Рассвирепевший осел продолжал насакивать на жеребца. Нинурта несколько раз ударил скакуна пятками, потом разразился проклятьями. В этот момент Верный встал на дыбы, и начальник конницы полетел на землю.

Тут же вскочил, отыскал взглядом Шами. Женщина продолжала гнаться за косяком. Возглавлявшая косяк самка все дальше и дальше уводила его в лес, покрывавший предгорные холмы.

Нинурта всплеснул руками. Заметив группу скакавших поблизости всадников, он крикнул, указывая на удаляющуюся с опушки женщину:

– Остановите ее!

Скакавший впереди незнакомый бедуин повернул вслед за Шами. За ним последовали еще четверо всадников. Нинурта с недоумением отметил, что таких воинов в его отряде вроде не было, но в следующий момент Верный вскочил на ноги и, к своему ужасу, Нинурта обнаружил, что его верный друг захромал. Тут еще одна несуразность бросилась в глаза начальнику конницы – вслед за странными чужаками проскакал не кто иной, как воин из охраны каравана, который следовал в Дамаск. Как же его звали?! Нинурта так и не смог вспомнить, проклял себя за забывчивость, за мнительность – сердце действительно вдруг забилося часто, беспокойно, – подозревал телохранителей.

Шаммурамат, увлеченная погоней, не заметила, как оторвалась от охотников, как потеряла из вида мужа. Она подгоняла и подгоняла Рыжего. Оказавшись в лесу, Шами быстро сообразила, почему старая самка уводила сюда свой косяк, – здесь конь с седоком не так увертлив и быстр, как менее крупные животные. Ослица, ловко меняя направление, с легкостью продиралась через кусты. Шами приходилось то придерживать Рыжего, то пускать во весь опор. Вдруг Шами почувствовала, как ее приподняло в воздух и швырнуло наземь. Приземлилась в зарослях дикого винограда, чем всегда были обильны леса Ассирии.

Попыталась вскочить на ноги, однако не тут-то было – высохшие стебли держали крепко. Если бы не помощь двух мужчин, протянувших ей руки, вряд ли она сама сумела бы скоро выбраться из зарослей. Когда ноги обрели свободу, Шами попыталась выдернуть руки, однако чужаки крепко сжали ее запястья и, придерживая на весу, потащили женщину в глубь леса.

– Стойте! – приказала женщина.

Те не обратили внимания на ее окрик.

– Стойте, вам говорят! – еще решительнее прикрикнула Шами.

Неожиданно с правой стороны донесся требовательный голос. Это был один из телохранителей Нинурты, он приказал стоять и не шевелиться. Ответом была стрела, пущенная из-за ствола дерева и проткнувшая ассирийцу горло. Это было так неожиданно, что женщина на миг потеряла дар речи. Ее поспешно втащили на коня, кто-то вскочил сзади, намотал ее волосы на руку, зажал рукой рот. Затем началась бешеная скачка, и женщине пришлось то и дело зажму-

риваться. По груди и ногам то и дело хлестали ветви деревьев. Как только конь остановился, ее ударили по голове, и Шами потеряла сознание.

Очнулась от озноба. Почему-то стало страшно холодно. Она попыталась шевельнуть рукой, ногой – не тут-то было. Спиной почувствовала что-то шершавое, твердое – вероятно, ее привязали к стволу упавшего дерева. Что совсем непонятно – ее тело было полностью обнажено. Она была вся, как есть.

Шами, почувствовавшая, как по телу ползет что-то липкое и мерзлое, попыталась вырваться. Это «что-то» шлепнулось в траву. Ее передернуло от отвращения, когда жутких размеров слепень сел на правую грудь. Где-то недалеко начала куковать кукушка. Нагадала два раза и стихла.

Неизвестный, узколицый, с коротко подстриженной аккуратной бородкой мужчина наклонился над ней. В первое мгновение женщина изумилась, затем, взглянув в шальные глаза склонившегося над ней чужака, ощутила ужас.

– Кто ты? – спросила она.

– Я?.. Скоро узнаешь, кто я.

– А эти кто с тобой?

– С ними ты тоже сейчас познакомишься.

– Зачем вы раздели меня?

Чужак выпрямился и обратился к небу:

– Великая Ашерту! Вот мы и вот та, которая посмела назвать себя твоей молочной дочерью. По твоему повелению мы посланы сюда. Удостоверь, что она права.

Наступила тишина.

Чужак некоторое время прислушивался к шорохам леса, затем обратился к Шами:

– Ты слышишь – Ашерту нет дела до тебя. Значит, ты солгала, что приходишься ей родственницей. Мы посланы богиней, чтобы наказать тебя за дерзость.

– Это вы будете наказаны за то, что покусились на меня! Не рассчитывайте на милость великой богини. Мой муж отыщет вас и в храме Иштар.

– Не отыщет. Впрочем, ты тоже можешь рассчитывать на милость богини, если выдержишь посадку «осла». Для дочери богини это должно быть очень легким и приятным испытанием. Помнишь, как щедро делилась ласками с молодцами Урука великая богиня? Тебе тоже должно быть в радость, – он коснулся ее лона, – поделиться с нами своей красотой. Не так ли?

– Негодяй! – воскликнула женщина. – Иштар накажет тебя!

Узколицый, вконец раззадорившийся мужчина засмеялся.

– Мы все жаждем. Посмотри, как мы жаждем.

Он обернулся к своим спутникам. Те, как по команде, задрали подолы туник.

Обнажились бедра.

– Право выбора за тобой, женщина! Выбирай молодца по вкусу.

От увиденного Шами едва не потеряла сознание. Попыталась плюнуть в жоака. Не достала.

Тот кивнул.

– Что ж, если я тебе не по нраву, я буду предпоследним.

Утешь тогда самого младшего из нас. Потом этого, этого и это го, – он указал на сгрудившихся вокруг нее мужчин. – А последним будет этот.

Толпа раздвинулась, и к Шами вразвалку приблизился невысокий, слегка сгорбленный, с выбритой наголо головой, увалень. То, что торчало у него внизу живота, ужасало.

– Еще нам велено продемонстрировать тебе это.

С этими словами главарь показал Шами длинную женскую косу и прибавил:

– Эта не та коса, за которую ты должна быть наказана, – это напоминание. Ты вспомнила.

Шами закричала, атаман бросился к ней и затолкал косу в рот.

Невысокий, кусающий губы юнец с едва проклюнувшейся мягкой щетиной на подбородке подступил к женщине. Дрожащими пальцами он коснулся соска на ее правой груди, потом, распаяясь, все более грубо начал трепать груди, внезапно повалился на нее. Из его шеи торчала стрела, кровь закапала на грудь Шами.

Следом кто-то пронзительно закричал, потом звякнул металл, зачастили удары. Шами, рыдая и дергаясь всем телом, пыталась сбросить с себя обмякшего молокососа. В поле ее зрения нежданно-негаданно возник Партатуи-Буря. Она вмиг оцепенела, за всем происходящим теперь следила, омертвев телом, лишь глаза еще были живы. Ушедший к судьбе молокосос, на прощание сломав о ее плечо стрелу и оставив глубокую ссадину, наконец свалился с нее.

Атаман негодяев с перекошенным от злобы лицом бросился на воина в скифском колпаке. Поверить в то, что здесь мог оказаться Буря, было не под силу даже такой фантазерке, какой была Шаммурамат. Может, это был посланец Иштар, решившей помочь своей воспитаннице?

Вступивший в схватку ассирийский воин был более реален, но менее умен. «Ослу», как оказалось, ловкому в обращении с мечом, удалось ранить его в предплечье. Ассириец выронил широкий и короткий меч, упал на колени, следующим ударом негодяй снес ему голову. Она подкатилась под ствол, к которому была привязана Шаммурамат. Следом в несусветном шуме, слепленном из вскриков, уханий, звона мечей, слепящих искр, выбиваемых скрещенным оружием, жутко и надсадно прорезался предсмертный вопль. Никто, кроме связанной женщины, не вздрогнул, не обернулся, не попытался помочь несчастному. Тут же шевеление под стволом принесло ощущение реальности. Из-под ствола неожиданно выкатилась отсеченная голова – кто-то, по-видимому, выбил ее оттуда ударом ноги. Затем ее связанных запястий коснулось что-то до омерзения холодное. Шами удивленно почувствовала, как освободилась одна рука, за ней другая.

...Опять до отвращения острое прикосновение холодного металла. Ноги почувствовали волю. Шами, не удержавшись, свалилась со ствола прямо на окровавленную голову несчастного, которая так и не сумела отыскать во всей этой кутерьме укромный уголок.

Несколько мгновений Шами отдыхала, на прощание согрела грудью отрубленный комок плоти, попыталась встать и тут же снова повалилась на землю. Самое время лишиться сознания – вот чего ей более всего хотелось в ту минуту.

Куда там!

Она почувствовала, как ей помогли подняться, обернули во что-то широкое, темное, теплое. Это был плащ лишенного жизни атамана разбойников. Тут только до Шами дошло, что ухаживал за ней тот молоденький воин, который выдал ей имя Нинурты. Как его звали?.. Кажется, Набай.

В сердце колыхнула злоба – Эрра тебя забери, Набай, где ты был раньше? Она оттолкнула его руки, придерживающие плащ, – одеяние сразу упало на траву. Она даже не осознала, что вновь обнажена. Рядом с ней сражались двое чужаков – оба сражались со страхом и решимостью в глазах.

Шами завизжала, как способна визжать только женщина, пытающаяся отомстить негодяю. В этот момент Партатуи-Буря одолел одного из сопротивлявшихся. Подскочивший Нинурта сменил сраженного «ослом» ассирийца.

«Осел» работал мощно, с уханьем – таких в битве обычно стараются взять живыми, но на этот раз ни о каком снисхождении и речи не было. Сирийский увалень был умен и силен, но в бою с Нинуртой у него не было шансов. Он поймал сирийца на ложный выпад, и, когда тот сделал шаг и, споткнувшись о выставленную ногу, упал, – Нинурта с хаканьем вонзил ему в спину меч. Шами вырвалась, бросилась к мужу, повисла у него на шее. Тот, еще ошалело глядя вокруг, попытался прикрыть жену рукой. В следующий момент его взгляд упал на молодень-

кого Набая. Начальник конницы, поддерживая рукой жену, направился к нему. По его лицу было видно, что Нинурта не в себе и от него нельзя ждать ничего хорошего.

Молодой воин затрепетал.

– Господин... Господин...

Шаами повисла на шее и руках мужа, завопила:

– Это Набай, любимый!

Нинурта хрипло ответил:

– Он видел тебя обнаженной. Он должен умереть.

Шаами принялась целовать Нинурту.

– Он спас меня. Он убил негодяя.

Нинурта словно не слышал. Набай обреченно встал на колени, опустил голову.

В этот момент послышался зычный, хорошо поставленный голос Набу-Эпира. Нинурта замер, Шаами прижалась к нему, залепетала:

– Прислушайся к нему, он призывает богов к суду.

Начальник конницы, словно просыпаясь, протер глаза, потщательнее укрыл жену своим плащом. Длинные волосы Шаммурамат прикрыли ей грудь и живот.

Набу-Эпир вскинул к небу руки, громко и протяжно затянул:

– Во имя владычицы богов, царицы царей, яростной львицы, Иштар-воительницы!

Он, словно дожидаясь ответа, сделал паузу, затем продолжил напевным храмовым речитативом:

– Хвала тебе, Иштар! Ты – владычица богов, царица царей, яростная львица! О воительница, ты вырастила храбрую дочь. Хвала тебе, Иштар, царица дев и воинов, покровительница сражения и любви. Хвала тебе, Иштар, твоя приемная дочь – услада мужества.

Он не торопясь, с подобающим уважением встал на колени. Набай поднял голову, с надеждой глянул на вавилонского уману. Против его служения, его призыва никто не мог устоять – все последовали его примеру. Шаами потянула мужа за собой. Нинурта, еще не совсем пришедший в себя, с трудом согнул колени. Они так и стояли – он в охотничьей тунике, Шаммурамат – обнаженной, едва прикрывшей тело краем мужнего плаща и своими длинными волосами. В этот момент лес отозвался протяжным, ужасающим львиным ревом.

Нинурта оторопело, обретая, наконец, реальность, глянул на коленопреклоненных Бурю, Ушезуба, Набая, двух других воинов, затем, с недоумением, на жену. Затем не спеша расстегнул фибулу, скреплявшую накидку у горла, и обернул ею жену. Тут только Шаами почувствовала жуткий холод. Плащ был короткий, но вид голых, в крови, ног женщины или, точнее, грозный львиный оклик произвел необыкновенное действие на прибывавших и прибывавших на поляну воинов.

Все столпившиеся на поляне молча становились на колени. Когда затих львиный рык, тишину нарушило глухое солдатское пение.

Силу дала тебе Иштар.

Той силой круши врагов.

Той силой рви их на части.

Той силой разбей им головы.

Той силой...

Нинурта посадил супругу на коня, повел его за узду к опушке. Сюда со всех сторон мчались всадники. Шаммурамат сидела, раздвинув ноги, – они, окровавленные, исцарапанные, оголились до середины бедер, но теперь никому не приходило в голову отрицать родство этой земной женщины с владычицей Иштар.

По приказу наместника головы убитых сирийцев насадили на пики и понесли в сторону города. Там их выставили возле главной башни, а содранной с негодяев кожей обили ворота. В городе ждали Салманасара.

Глава 6

После того, что случилось на охоте, Шаммурамат заперли на женской половине дворца, отделенной от остальной цитадели глухой крепостной стеной. После нескольких дней, проведенных в беспамятстве, – Шами донимали жар и сухость губ, – Иблу лично запретил ей приближаться к воротам, ведущим на женскую половину. Чтобы пресечь попытки невестки проявить инициативу, наместник строго-настрого приказал Ишпакаю не отходить от «шалльной», как выразился он, «скифянки» и не позволять ей вырваться за пределы отведенных ей комнат.

Сидеть во дворце было скучно. Единственное развлечение – наблюдать со стены, как к месту сбора каждый день прибывали отряды вооруженных людей. Скоро в окрестностях Ашшура их собралось более ста тысяч. Зверские рожи заполнили улицы священного города. Теперь о том, чтобы выехать в город, и речи быть не могло.

За стенами цитадели с рассвета до заката непрерывно били барабаны. На специально вспаханных участках городской пустоши безостановочно маршировали выстроенные в шеренги щитоносцы-редумы²⁰. Барабаны задавали темп ходьбы, при этом всякого, кто ломал

²⁰ Баирумы – наемные солдаты, состоящие на службе у царя. Они получали землю, на которой вели хозяйство силами своей семьи, а взамен обязаны были царю военной службой. От редумов они отличались тем, что получали только землю, и, по-видимому, составляли легковооруженные стрелковые отряды. Редумы – наемные солдаты, состоящие на службе у царя. Они получали землю на тех же условиях, что и баирумы, а взамен обязаны были царю военной службой. От баирумов они отличались тем, что получали не только землю, но и скот, и, по-видимому, составляли тяжеловооруженные регулярные войска. Декум – «фельдфебель», «унтер-офицер», младший командир в ассирийском и позже – в нововавилонском войске. Ассирийцы ввели в военное дело ряд новшеств, неизвестных Древнему миру и сохранившихся до Нового времени. Вооружение ассирийского войска отличалось большим разнообразием и для своего времени высокими качествами. Применялись лук со стрелами, имевшими металлические наконечники, праща, короткое копье с бронзовым наконечником, меч, кинжал, палица, окованная железом. Усовершенствовано было и защитное вооружение: шлем имел подвеску, прикрывавшую затылок и боковые части головы; воины, которые вели осадные работы под стенами осажденного города, были одеты в сплошные длинные панцири, сделанные из волокна, обшитого продолговатыми бронзовыми пластинками; щиты ассирийских воинов были разнообразны как по форме и материалу, так и по назначению – от легких круглых и четырехугольных до высоких прямоугольных с навесом, защищавшим воина сверху. Воин имел при себе бронзовую кирку на длинной деревянной рукоятке (применялась при прокладке дорог, устройстве оборонительных сооружений, разрушении завоеванных крепостей, обычно уничтожавшихся до основания), а также железный топор. Запасы оружия и снаряжения хранились в царских арсеналах. В ассирийском войске впервые в мировой истории было введено однотипное вооружение для того или иного рода войск. Характерна структура войска: на 200 пехотинцев приходилось в среднем 10 всадников и одна боевая колесница; на одного тяжеловооруженного пехотинца – два лучника. Совершенствовались организационные формы войска. Основной организационной единицей был кисир, насчитывавший 500–2000 воинов. Кисир делился на пятидесятки, которые подразделялись на десятки. Несколько кисиров составляли эмку. Таким образом, ассирийское войско имело довольно сложные для того времени формы организации. Ассирийская пехота делилась на тяжелую и легкую. Тяжелая пехота была вооружена копьями, мечами и имела защитное вооружение – панцири, шлемы и громадные, почти в человеческий рост, щиты. Легкая пехота состояла из лучников и пращников. Боевую единицу обычно составляли два воина: лучник и щитоносец, который прикрывал щитом своего напарника. Наряду с этим имелись и боевые единицы, состоявшие только из тяжеловооруженных воинов. Таким образом, здесь мы видим уже непосредственное взаимодействие в бою легких и тяжелых пехотинцев. Ассирийская пехота действовала в сомкнутом строю щитоносцев, под прикрытием которых лучники вели интенсивный обстрел противника. Это была наступавшая стена щитов. Пехотинцы метали в неприятеля стрелы, дротики и камни. Такой способ действий требовал не только правильного построения шеренги, но и обучения правильному (в ногу) движению, чего можно было достигнуть только регулярными тренировками. Важную часть ассирийского войска составляли боевые колесницы, в которые были запряжены две-четыре лошади. К кузову колесницы прикреплялся колчан со стрелами. Экипаж ее обычно состоял из двух воинов – лучника и возницы, вооруженного копьем и щитом. Иногда экипаж усиливался двумя щитоносцами, которые прикрывали лучника и возницу. Боевые колесницы применялись на ровной местности и были надежным средством для действий против иррегулярных войск. Помимо колесниц ударной силой в бою ассирийцы сделали подвижную конницу, создав кавалерию как род войск. Тактически это выглядело следующим образом – один всадник вел за узду лошадь своего напарника, стрелявшего из лука. В строю всадники действовать не могли, но в преследовании были страшны, полезны также в ведении разведывательной, посыльной и охранной службы. На вооружении всадников иногда имелись мечи и булавы. Однако конница ассирийцев была еще иррегулярной и не вытеснила боевые колесницы. Ассирийцы учредили военную разведку, позаботились о создании вспомогательных частей, необходимых в любом походе: армейские оружейники чинили и заново делали оружие, инженерные части помогали армии наводить мосты, вести осаду крепостей. Ассирийская осадная технология достигла такого совершенства, что города-крепости, которые в прежние века выдерживали осады продолжительностью 15–20 лет, ассирийцы брали за 20 дней: насыпали осадные стены, по высоте равные стенам осаждаемых крепостей, оставляли город без воды, отводя в сторону реки, или, на оборот,

строй – опаздывал или забегал вперед, – декумы укладывали на землю и били палками. Щиты были тяжеленные, прямоугольные, двухметровые, на каждом эмблема той или иной эмуку. С их помощью щитоносцы должны были в бою прикрывать лучников-баирумов, которые в свою очередь тренировались на ближайших холмах. Напротив главных городских ворот, где была устроена переправа через Тигр, тяжеловооруженные пехотинцы из «золотого полка», совместно с конницей, не зная отдыха, форсировали Тигр на надутых воздухом бурдюках. На утоптанной пойме знатные упражнялись в управлении колесницами.

Вся эта кутерьма сопровождалась беспробудными ночными пирами, которые царь Ассирии устраивал для своих приближенных в походной ставке. Более двух семидневок Шами не видела мужа. Время она проводила в компании с Ишпакаем. Евнух, предупрежденный Нинуртой, – если ты проворонишь и Шами выкинет какую-нибудь штуку, тебе прижгут пятки раскаленным железом, – был пронизан энтузиазмом. Сначала он в течение нескольких дней рассказывал заскучавшей женщине о необычайных приключениях в южных морях Синдбада-морехода, затем поведал о невероятных похождениях цирюльника из славного города Сиппара, наконец, попытался привлечь внимание Шами к удивительной истории, которая случилась в достопамятные времена с вавилонским царем Бау-иддином и его сыном, которые влюбились в одну и ту же девушку.

Шама прервала евнуха.

– Я уже слыхала эту историю. Бау проявил великодушие и уступил красавицу сыну.

– Точно! – восхитился Ишпакай. – Но известно ли тебе, о восхитительная, что случилось с самим царем, чье благородство и доброта не знали пределов, ведь он поступился тем, что наиболее дорого каждому, кто испытал чары Иштар.

Шама зевнула и тут же прикрыла рот рукой, чтобы не выпустить свою ламассу, так удобно прижившуюся в ней и так отважно оберегавшую ее шимту.

– У заморской царицы оказалась дочь, которая охотно облегчила страдания великодушного Бау.

Ишпакай просиял.

– Так оно и было, но известно ли тебе, о женщина, – спросил евнух, – какое несчастье приключилось с жителями Вавилона, когда у обеих пар родилось по младенцу мужского пола? Ни кто в государстве не мог вразумительно объяснить, кем мальчики приходились друг другу, ибо первый родился от отца и дочери, а второй от сына и матери. Когда вавилонские жрецы в зависимости от степени родства попытались установить порядок престолонаследования, в городе едва не началась кровавая распря, ведь каждый гражданин готов был ценой собственной жизни отстаивать собственную точку зрения.

– Что тебе за дело, Ишпакай, до мучений жителей Вавилона, пытавшихся силой решить эту головоломку?! Если я задумчива и мысли мои заняты, это не значит, что ты можешь приставать ко мне с досужими расспросами. Прекрати и знай, что с теми, кто бесцеремонно вмешивается в чужие дела, случится то, что случилось с настырной обезьяной, потерявшей разум из-за неумеренного любопытства.

На сытом округлом лице евнуха прорезалось нескрываемое удивление.

– Что же случилось с обезьяной? – осведомился он.

– Случилось так, что некий плотник решил расколоть бревно. Он взял два клина, подобно всаднику, устроился на бревне и принялся раскалывать его, вбивая клинья по очереди. Не закончив работу, он отлучился по какой-то нужде, а наблюдавшая за его работой обезьяна, усевшись в той же позе, что и плотник, принялась раскачивать забитый в дерево клин. Пока

затапливали его, строя или разрушая плотины. Если не помогало и это, они попросту перемалывали крепостные стены своими таранами, которые представляли собой подвижные миникрепости с башенками для лучников наверху и деревянной крышей, скрывавшей отряд воинов, раскачивающих обитые железом исполинские бревна, способные расшатать любую кладку.

она усердствовала, ее яички провалились в щель. Я не стану, Ишпакай, рассказывать, что случилось с обезьяной, когда она вытащила клин.

Ишпакай виновато улыбнулся:

– Такого рода несчастье не может грозить тому, у кого нет яичек.

Он вздохнул.

– Выбор у тебя, красавица, невелик. Либо я замолчу, тогда тебе будет труднее прикидываться скучающей, либо я продолжу рассказ. Слушая мои волшебные истории, тебе будет легче скрыть свою тоску или, что еще хуже, очередной коварный замысел. Так что наблюдай, как храбрые ассирийские воины готовятся к походу, и слушай меня.

Все ценности жизни, Шами, равнозначны, и отсутствие хотя бы одной из них, даже такой малости, как свобода, вызывает меланхолию и влечет к причудам. Если возразишь, – мы оба люди возвышенного ума и нам не пристало довольствоваться назначенной участью, наше назначение стремиться к высшему, – я готов согласиться с тобой. Соглашусь и с тем, что счастья может добиться только тот, кто готов рискнуть, но не за счет ближнего своего, ведь я могу поплатиться за твою дерзость обожженными пятками. Поэтому выслушай внимательно историю, случившуюся с садовником Шукаллетудой.

– Я слыхала о нем. Впрочем, ты прав, и нет причины затыкать тебе рот. Мне действительно надоело наблюдать за этими зверскими рожами и, страдая от безделья, поджидать мужа.

– Тогда утихомирься и послушай. Жил в окрестностях славного Урука искусный садовник Шукаллетуда. Сил не жалел, возделывал свой сад, поливал деревья и грядки – все напрасно. Жаркий ветер пустыни иссушал почву, губил растения. Не зная, как справиться с бедой, садовник обратил взор к звездам и спросил – отчего вокруг злое да злое и нет управы на демона пустыни. Стал он просить божественного знака, и боги послали ему весть – посади дерево сарбату, которое в любой час дня простирает свою тень с запада на восток, и ты обретешь радость в сердце.

Посадил Шукаллетуда дерево сарбату, и все растения в саду расцвели пышным цветом.

Однажды Иштар после долгого и трудного пути решила отдохнуть неподалеку от сада Шукаллетуды. Садовник увидел из-за изгороди прекрасную богиню. Неземная красота богини сразила его. Он опустился перед ней на колени и поцеловал. Видя, что Иштар сразил беспробудный сон, Шукаллетуда осмелел и овладел спящей богиней, удовлетворив тем самым свою внезапно вспыхнувшую страсть.

Проснувшись с первыми лучами солнца, Иштар была глубоко оскорблена дерзостью простого смертного и решила, во что бы то ни стало, отомстить ему. Так как богиня не знала, кто именно оскорбил ее, месть пала на головы всех жителей страны.

Вначале Иштар напала все колодцы страны кровью. Затем наслала разрушительные ураганы. Затем подняла воды и затопила страну. Однако каждый раз Шукаллетуда обращался к отцу, и мудрый старик советовал ему отправляться в многолюдные города, чтобы богиня не могла отыскать его среди толпы.

Горько стало на сердце Иштар, когда осознала, что не в состоянии отомстить смертному. Отправилась она к богу мудрости Энки и попросила у него помощи. Пусть скажет всеведущий, как отыскать негодяя, отважившегося посягнуть на ее честь...

– Зачем ты напомнил мне о страданиях Иштар? Мне не за что и некому мстить. Негодяи мертвы, им не удалось овладеть мной.

– В том не твоя заслуга, а милость богов, а эта стихия изменчива. Ты потеряла покой, и это тревожит меня. Говорят, что этих молодчиков наслала твоя сестра?

– Кто говорит?

– Твои земляки, вавилоняне. Они утверждают, что Сарсехим был в курсе.

– Я хочу поговорить с Сарсехимом.

– Ну, великолепная, для этого тебе надо испросить разрешение у самого Салманасара. Люди твоего супруга едва не растерзали Сарсехима у городских ворот, однако царь запретил кому бы то ни было причинять ему вред.

– Я хочу видеть Сарсехима. И немедленно!

– Ты рискуешь головой. Если она тебе не дорога, мне дороги мои пятки.

– Послушай, Ишпакай. Я сижу взаперти, а где-то решается моя судьба. Не надо уверять меня, что повелением Салманасара можно смыть позор, ведь многие, в том числе и враги, видели меня обнаженной. Это не забывается. У меня привлекательное, влекущее мужчин тело, и мне надо быть осторожной. Но осторожной можно быть, только если знаешь, какая опасность подстерегает тебя. Разве я не права?

– Ты права, но ты рассуждаешь как мужчина. Это не красит женщину.

– Женщину красит умение рассуждать, а не то, как она это делает. Ты сможешь мне или мне придется обратиться к Буре? Он не побоится организовать свидание с Сарсехимом.

– Зачем тебе встречаться с этим земляным червяком?! Сарсехим уже сумел втереться в доверие к Шурдану, наследнику трона. Все просьбы Нинурты выдать ему негодяя для расправы разбиваются об упрямство наследника. К сожалению, великий царь держит сторону сына. Поступки и указы великого царя порой непредсказуемы, порой они вызывают оторопь.

– Чего же добивается Шурдан?

Евнух сразу помрачнел.

– Ответив на этот вопрос, я вступлю в область недозволенно го, и моя жизнь окажется в твоих руках.

Теперь задумалась Шаммурамат.

– Я знаю, Ишпакай, клятвы здесь не помогут, но я надеюсь, что нам поможет доверие, которое мы испытываем друг к другу. Нам поможет благожелательная улыбка Ирнини-победительницы, ведь это ее покровительству я обязана спасению собственной жизни, ведь если бы эти негодяи овладели мной, я бы покончила с собой. Мне трудно без Нинурты. Возможно, тебе трудно понять такого рода привязанность...

– Нет, такого рода благородная решительность мне всегда по сердцу ...

– Я не договорила! Не перебивай меня. Я веду речь о том, какая судьба ждала бы меня, если бы гнусное случилось?

– И эти сомнения близки мне.

– Если тебе нужны деньги...

– Деньги понадобятся не мне, а стражникам.

– Но сначала о Шурдане. Он глуп, если решил довериться Сарсехиму?

– Он не глуп, но он иначе, чем старый лис Салманасар и те, кто его окружает, – в первую очередь Иблу, – смотрит в будущее. Я не могу открыть тебе всего, но кружок, собравшийся вокруг великого царя, пока слаб и немногочислен. Те же, кто поддерживает Шурдана, сильны и крикливы.

– Кто поддерживает Шурдана?

– Города, точнее, городские общины. Они выставляют ополченцев, составляющих ударную силу войска.

– А как же царский полк?

– Он является ядром армии, но этих ребят не так много, как хотелось бы Салманасару. Чтобы его увеличить, необходимы средства, их можно добыть, только облагая подданных налогом. Заставить платить можно только торговцев, ремесленников, переселенцев, а также население покоренных земель. Со свободных ассирийских общинников много не возьмешь, у них и так множество долгов и обязательств. Для них походы – спасение без добычи ополченцы быстро пойдут по миру.

– Ты хочешь сказать, что членам общин нужен Дамаск, а великому Салманасару, ежегодная дань с Дамаска?

– Да. Получая завоеванное в виде дани, можно выиграть много больше, чем от разового грабежа. Здесь и кроется несогласие – дань поступает царю, и каждый из свободных земледельцев получит столько, сколько посчитает нужным дать великий царь, а из взятого приступом города каждый может увезти богатую добычу.

– Я слыхала, ассирийцы исстари предпочитали грабеж и убийства?

– Общины держатся прежних обычаев и пугают Салманасара отказом выступить в поход. Кто-то настойчиво будоражит общинников, утверждая, что после двух неудачных набегов в Сирию Салманасар утратил илу. Эти кто-то полагают, что он слишком долго правит – считай, уже двадцатый год. Этим кого-то поддерживают знатные в городах. По стране упорно распространяется слух – царю царей пора уступить место более молодому и удачливому наследнику. Шурдан обещает придерживаться заведенных предками обычаев, которые требовали поголовно уничтожать врагов. Это устраивает городские общины и жрецов. Никто из них не хочет понять, что важнее лишить врагов силы, а не избивать их на корню, ибо что взять с мертвых, а живые способны платить дань. От покоренных народов будет куда больше пользы, чем от их трупов. Это относится и к переселенцам, приведенным на берега Тигра. Но сначала чужаки должны обжиться, окрепнуть. Другими словами, доход от них начнет поступать в казну только через несколько лет, и он будет несоизмеримо больше, чем военная добыча. Но очень многие в Ассирии не хотят ждать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.